

ПРОЕКТ
АРКАДИЯ И БОРИСА
СТРУГАЦКИХ
«**ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ**»

ИБО ДЕЛО ИХ — СКРЫВАТЬ СЕБЯ
И ОТКРЫВАТЬ ТАЙНОЕ

Анна Александровна Фенх
Ружья еретиков
Серия «Обитаемый остров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128153

Ружья еретиков : [фантаст. роман] / Анна Фенх: АСТ, Астрель, Terra Fantastica; Москва, Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-271-40173-2, 978-5-7921-0824-0

Аннотация

Мир постоянно меняется – по воле людей или независимо от нее. Во все времена и во всех странах находились те, кто понимал причины этих перемен или сам являлся такой причиной. Иногда их называли гениями, иногда – пророками, но чаще – еретиками.

Лейтенант Имперской разведки Чейз Китт по прозвищу Еретик, как некогда его далекий предок Рейхар, Волк Господа, внезапно понимает, что его Саракш уже никогда не будет прежним. Вместе с очередным странным механизмом, взятым в области отклонения, в мир Китта пришло Будущее, которое как всегда обменивает мгновение мира на вечность войны. Войны с внешним врагом или с выродками, но войны неизбежной. Наступала эпоха Неизвестных Отцов...

Содержание

1. Лейтенант Чейз Китт, сотрудник Имперского Разведывательного Управления	4
2. Доктор Рейхар Китт, Волк Господа	10
3. Лейтенант Чейз Китт, сотрудник Имперского Разведывательного Управления	20
4. Доктор Рейхар Китт, Волк Господа	28
5. Лейтенант Чейз Китт, сотрудник Имперского Разведывательного Управления	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Фенх

Ружья еретиков

*Теория эта возникла еще в античные времена,
преследовалась некогда официальной религией,
имела своих мучеников...*

А. и Б. Стругацкие. Обитаемый Остров

*Это была точно такая же воронка.
Края ее были запорошены снегом, в ней
тяжело колыхался все тот же сизый дым,
и из дыма непрерывным потоком
поднимались машины.*

А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству

1. Лейтенант Чейз Китт, сотрудник Имперского Разведывательного Управления

Сияющий чистотой и потому совершенно безликий серый лифт опускался вниз неторопливо, тяжело, словно специально был подогнан под скорость внятной патриотической речи, доносившейся из динамиков, скрытых в стенах. На огромном, занимавшем всю ширину стены мониторе крутился один и тот же агитационный ролик. В первый раз лейтенант Китт посмотрел его с интересом, во второй раз со вниманием, в третий раз из вежливости, на четвертый раз отвернулся. Однако, кроме ежемесячных отметок о техосмотре, аккуратно наклеенных друг на друга, в лифте разглядывать было нечего, и взгляд мужчины в серой форме то и дело возвращался на экран. «...Ведутся жестокие бои. Империя разорена и погружена в хаос. Бомбоубежища стали домом для всех нас. Наш общий враг не щадит... и мы не щадим... по воле Императора...» – вещал за кадром знаменитый, узнаваемый уже по тембру голоса и интонациям диктор, а в кадре мелькали руины торговых рядов и музеев, пустые улицы черных от гари городов. По разбитому асфальту летали смятые газеты, обрывки полиэтилена и прочий легкий мусор. Идиоты от психологии в Отделе пропаганды, пишущие сценарии к этим агиткам, убеждены, что в мертвом городе ветер обязательно должен гонять по улицам газеты, подчеркивая безжизненность пространства и напоминая, что когда-то по дорогам ходили те, кто мог бы эти газеты прочитать. Совершенно бесполезные люди, эти психологи.

Лифт замер, но диктор продолжал говорить, и только когда ролик завершился, двери с шипением разошлись в стороны, спрятавшись в стенах. Караульный в упор посмотрел на Китта и шевельнул стволом автомата вперед, указывая на стойку КПП.

– Предъявите документы, – немолодой лысеющий сержант на контрольно-пропускном пункте был грузным, карточка легла в его широкую ладонь и словно растворилась в воздухе. – Назовите имя, звание, ученую степень, цель прибытия.

– Чейз Китт, лейтенант, бакалавр естественных наук. Переведен в лабораторию Л-1 Зоны 15 в качестве куратора Группы А.

Лейтенанту доставляло большое лингвистическое удовольствие выговаривать эти бессмысленные фразы о зонах и группах: в его характере было достаточно ехидства, а ум был достаточно живым, чтобы забавляться за счет нанизываемых одно на другое понятий. Бюрократический аппарат не мог смириться с тем, что кладовая не обозначена как сто двадцать

восьмой отдел пятнадцатого комплекса, приписанного к группе с дурацким названием. Чейз Китт не имел никакого представления, что такое лаборатория Л-1 и чем занимается Группа А, потому сейчас для него все эти тяжеловесные и многозначительные словесные конструкции не имели ровным счетом никакого смысла.

– Приложите ладони к устройству.

Пока сканер проводил стандартную калибровку, Чейз успел снять перчатки и вытереть руки жестким вафельным полотенцем.

Его всегда утомляла и раздражала процедура проверки, но он, считая нетерпеливость проявлением слабости духа, никогда не торопил часовых, никогда не начинал скандалить или требовать особого пропуска, если случалась заминка с документами. Проходить раз за разом сканирование ладоней, подписывать несколько копий каких-то бумаг, терпеливо ожидать, когда сержант свяжется с дежурным офицером, а тот – с высшими чинами, сдавать личное оружие незнакомым людям и получать взамен бумажку, словно та могла бы в случае чего прострелить голову врагу, и самое гнусное – личный досмотр, – все это было для Чейза проверкой собственной стойкости, собственного характера. И он раз за разом одерживал победу над скукой, омерзением и усталостью. Этот будничный героизм благотворно влиял на самооценку лейтенанта Китта и на его расположение духа.

– Лицом к стене, – судя по тону, сержанту процедура обыска нравилась ничуть не больше, чем самому лейтенанту Китту. Это было плохо, Чейз с трудом переносил, когда к нему прикасались незнакомые люди, и было бы проще обмануть эту чувствительность, представить себе, что его одежду охлопывает некий безразличный к такой унижительной работе и столь же безразличный к унижению самого Чейза автомат. С этим можно было смириться, но теперь он слышал, что сержант – не запрограммированный автомат, а живой человек, которому тоже может что-то нравиться или не нравиться.

Чейз повернулся, как было велено, уперся руками в стену и широко расставил ноги. Он не успел надеть перчатки, и теперь гладкая поверхность стены холодила ладони. На этом ощущении можно было сосредоточиться, вместо того чтобы внутренне содрогаться, когда толстый сержант ощупывал Чейза и его одежду. Но лейтенант Китт все равно злился из-за обыска, и стыдился этой злости, и злился, что стыдится.

– Проходите, господин лейтенант. Вас проводят в медблок, – его признали за своего, выдали карточку и потеряли интерес.

Сержант махнул рукой на дверь и погрузился в изучение какой-то сероватой, скверно отпечатанной методички. Солдат посторонился, пропуская Китта в коридор, и едва Чейз покинул КПП, тут же заслонил собой проход, словно лейтенант мог передумать и рвануться обратно. Должно быть, они и лифт заблокировали.

– Лейтенант Китт, мы вас ожидали, – Чейз привык, что женские голоса звучат мягко, отчего фразы приобретают нежную, почти вопросительную интонацию, но этот отличался от остальных. Несмотря на то что он явно принадлежал даме, в нем чувствовалась крепость и уверенность, если не агрессия.

Чейз повернулся, ожидая увидеть сопровождающую из той мускулистой до мужеподобия породы женщин, у которых широкие плечи и сильные руки, тяжеловатая походка и короткая стрижка, но увидел перед собой ладно скроенную миловидную брюнетку лет тридцати. Она действительно была коротко стрижена, но каким-то образом это только добавляло ей изящества. От неожиданности Чейз замер, разглядывая женщину, но, к счастью, она поняла его замешательство правильно.

– Я капитан Эштаву, мне поручено сопроводить вас в медицинский блок и удостовериться в том, то вы нам подходите.

– Только что в этом удостоверился боец с КПП, – Чейз доброжелательно улыбнулся, и капитан Эштаву автоматически улыбнулась в ответ, пусть и несколько нерешительно.

Однако железные нотки в ее голосе сохранились.

– Не совсем так, лейтенант Китт. Боец, как вы выразились, с КПП удостоверился только в том, что нам прислали именно того кандидата, которого мы просили прислать. Теперь мы должны здесь, на месте, провести несколько последних тестов, подтверждающих вашу пригодность для нашей работы. Пройдемте.

И снова никакого вопроса, нет этого привычного взмывания голоса вверх в финале фразы, только твердость предложения, граничащая с приказом.

Они в ногу шли по коридору; синеглазая капитан Эштаву смилостивилась и пояснила Чейзу, к чему перестраховка:

– Вы ведь понимаете, лейтенант, в наше тяжелое и опасное время мы должны быть предельно осторожны. Нет, вас никто не подозревает в шпионаже, к примеру, но все мы здесь занимаемся важным делом и не можем позволить себе лишних людей в научном комплексе, – ей явно очень нравилось это «мы». – Если ментограмма покажет, что вы не справитесь с этой работой, мы тут же отправим вас наружу. Поверьте, здесь нет ничего унижительного, и для человека с вашей квалификацией, без сомнения, найдется занятие на другом объекте.

Они остановились перед дверью с надписью, состоящей из заглавных букв и цифр, обозначающих, по-видимому, зону, комплекс и сектор, где находится медблок. Чейз вошел в помещение, посмеиваясь про себя над загадочной табличкой на двери, его всегда умиляла эта детская привязанность военных к шифровкам и тайным обозначениям.

Проведение и анализ ментограмм заняли меньше часа, техник непрерывно болтал, пытаясь развлечь новенького офицера, словно чувствуя личную вину и ответственность за то, что лейтенанту Китту не оказали если не радушного, то хотя бы вежливого приема в Зоне 15. Техник не был военным и, кажется, искренне не понимал, зачем нужны все эти армейские церемонии, вроде щелканья каблуками, ведь люди всегда могут просто вежливо и спокойно все обсудить и договориться, не обязательно при этом лупить себя по голове, отдавая честь. Когда-то Чейз думал так же, пока не попал в общество таких же молодых оболтусов, призванных на военную службу, каким был он сам. Бессмысленные физические нагрузки нужны были молодняку, чтобы юнцы, дуреющие от хлещущего через край молодого адреналина, сопряженного с избытком свободного времени, не перегрызли друг друга, а армейские церемонии призваны были приучить солдатню слушаться. Обо всем этом Чейз размышлял, когда, сжимая в руках документы, направлялся в комнату с очередной шифровкой на двери.

Комнатой оказался небольшой служебный кинозал, рассчитанный на пятерых, судя по количеству кресел, расставленных за круглым столом с микрофонами, похожими на сетчатые патроны на изогнутой высокой ножке. Кресла были расположены так, что экран приходился как бы шестым собеседником за этим столом. Чейз сел напротив экрана и положил папку с документами прямо перед собой. Ему очень нравилось это мальчишеское чувство «вот-вот что-то здоровское начнется», правда, в последний раз он испытывал его в тот день, когда ему предложили службу в Имперском Разведывательном Управлении. Больше за все годы его службы в ИРУ ничего, что заставило бы его вновь испытать это трепетное ожидание приключения, так и не случилось.

Дверь отворилась, и в кинозал вошли двое. Первой шла капитан Эштаву, каждым шагом являя миру целеустремленное совершенство. Чейз никак не мог понять, что первично в ней – непростой характер стал причиной выбора такой профессии, или это профессия так женщину обтесала под себя. Впрочем, какая именно у нее профессия? Она вполне могла бы оказаться капитаном медицинской службы или кем-нибудь из интендантов.

Вторым вошедшим был пожилой мужчина, умное тонкое лицо которого украшала седая треугольная борода. Светлые глаза за очками в прямоугольной оправе смотрели доброжелательно, что изрядно контрастировало с непримиримым взглядом капитана Эштаву. Но осанка и походка выдавали в старике человека благородного происхождения, а то, с какой

обыкновенной и естественной для себя галантностью он предложил даме сесть, убедило Чейза, что старик – настоящий аристократ и голубая кровь его много поколений не разбавлялась. Такие люди старой породы, кодекс их чести очень нравились Чейзу, их поведение – сдержанно и красиво. Дворяне в первом или втором поколении всеми силами старались походить на этих породистых мужчин, но выглядели снобами. Их жены в броских платьях неизменно примолкали в присутствии настоящей дамы и старались скопировать и взгляд, и манеру держать веер, и особенную посадку головы, но выглядели лишь кривляками.

– Здравствуйте, господин лейтенант Китт, – сказал старик, когда Чейз поднялся, чтобы пожать ему руку. – Меня зовут Верьямер Шеклу, мы будем работать в Группе А вместе.

– Господа, – голос милого капитана Эштаву звенел, как туго натянутая металлическая лента, – внимание на экран.

Повинуясь ее словам, экран зажегся, некоторое время мерцал и затем явил знакомое лейтенанту разведки Чейзу Китту лицо.

– Здравия желаю, господин полковник, – проговорил Китт. – Много слышал о вас и для меня большая честь...

– Оставьте, – полковник Дишлав Мору был легендой разведуправления, но ему явно было плевать на всю свою немыслимую славу. – К делу. Представьтесь, лейтенант Китт.

В шестой раз за день Чейз назвал свое имя, указал звание и ученую степень.

– Биология? – уточнил Шеклу. – Чудесно! А то в прошлый раз, вы не поверите, они прислали мне химика. Боже правый, что я должен был с ним делать, с химиком?

– Профессор Шеклу, – капитан Эштаву добавила в голос столько грозного предупреждения, что распознать его и устраситься смог бы и коматозник. – Предлагаю вернуться к предмету нашего обсуждения.

Предмет обсуждения по фамилии Китт кивнул профессору:

– Да, биология человека. Специальность – авиационная медицина, но вообще я специалист по экстремальным условиям самого широкого спектра, не только в воздухе. И, конечно, по реакции человеческого организма на них.

– Это хуже, – Шеклу пожевал губами. – А какова тема вашей диссертации?

– Я писал о разработке средств повышения устойчивости организма человека к действию экстремальных факторов полета.

– Неплохо, – высказался Мору. – В данный момент?

– В данный момент пишу докторскую диссертацию, надеялся закончить ее здесь.

– Это вряд ли. Иные приоритеты. Что-то еще?

– Сотрудничал с «оружейниками», – против воли Китт перенимал сухой отрывистый стиль речи полковника Мору.

– Итог?

– Вирус «Хатшайна», серая смерть.

На несколько минут за столом воцарилась тишина.

– А что это за вирус? – спросил Шеклу.

– Очень хороший вирус, – ответил Китт, убедившись, что Мору не сбил вопрос влет. – Отвечает почти всем требованиям, предъявляемым к современному биологическому оружию.

– А именно? – Шеклу, кажется, всерьез заинтересовался.

Поскольку Китта никто не прерывал, он принялся рассказывать:

– А именно – это особенная вирулентная форма серой чумы. На первых порах распознать ее сложно, симптомы обычной лихорадки и нервного перенапряжения – повышенная температура, нарушения сна, тревожность. Вместе с тем передается она достаточно просто. Заболевший, которому невозможно вовремя диагностировать серую чуму, попадает в больницу, где мгновенно заражает и персонал, и других больных. Так вместе с одним инфици-

рованным за сутки из строя выбывает от пяти до семи человек. Как вы, вероятно, знаете, серой чума называется потому, что нарушает кровообращение в некоторых участках тела и те явственно сереют от недостатка кислорода. Затем язвы, отмирание тканей, тяжелый бред, невыносимая боль от поражения вирусом болевого центра мозга и мучительная смерть. Все это способствует возникновению паники в рядах противника, – Китт на секунду прикрыл глаза, видя внутренним взором, что именно вызывает особенно сильную панику среди людей. – К сожалению, наш вирус не отвечал самому главному требованию: к этому «яду» должно быть хорошее «противоядие» у наших войск. Я был привлечен к этой работе как лучший доступный в то время и в том месте специалист по экстремальным условиям. Вирус должен сохранять жизнеспособность на всех этапах транспортировки носителя вируса на территорию врага, поэтому и были востребованы мои знания. Свою задачу я выполнил, мои расчеты были верны, если бы командование одобрило решение о принятии на вооружение бомб с серой чумой, при доставке и сбросе бомбы вирус не погиб бы, равно как не погиб бы зараженный человек, если бы командование приняло решение переправлять вирус в тыл врага на живом носителе. К сожалению, выработать иммунитет к этой форме серой чумы нам так и не удалось. Проект был закрыт.

– Невероятно, – Шеклу покачал головой и затем улыбнулся. – Что ж, наша работа менее грязная, во всяком случае, пока она не вызывает язв. Вы позволите, Дишлав?

Мору коротко кивнул с экрана и Шеклу заговорил:

– Я, изволите ли видеть, руковожу здесь, на Зоне 15, Группой А. В нашем комплексе, любезно выделенном нам вашей уважаемой организацией, мы изучаем особенное излучение, способное влиять на человеческий мозг определенным образом.

– Оружие? – уточнил Китт.

Шеклу неопределенно кивнул:

– Надеюсь, что так. Мы создали излучатель, способный воспроизводить А-волны, так мы назвали наше открытие, не было времени придумывать что-то более романтическое. Здесь мы испытываем его, производим замеры.

– На людях? – вставил Китт.

– Разумеется, на животных оно не действует. Наш излучатель способен испускать волны в двух режимах: активном и пассивном. При пассивном излучении на мозг испытуемого оказывается весьма интересное влияние, он теряет способность к анализу, к критике. Но в качестве оружия подобное влияние применить пока не представляется возможным, для устойчивого результата требуется продолжительное время. Поэтому сейчас мы считаем это побочным действием и как раз в данное время начинаем параллельную с основным исследованием работу над устранением этого эффекта или защитой от него, – Шеклу снял очки и принялся протирать линзы извлеченным из кармана отглаженным клетчатым носовым платком. – Активное же излучение может оказывать различное воздействие, в зависимости от частоты, – это может быть угнетение, то есть депрессионное воздействие, а может быть, напротив, воодушевление, энтузиазм. Изучать эти явления крайне сложно, мы сами не нашли пока способа экранироваться от излучения, поэтому наблюдение за испытуемыми, находящимися в удаленном блоке, ведется через видеокамеры. Мы же, исследователи, располагаемся далеко от границы волн, потому как какие же мы ученые без способности к всестороннему анализу?

Вопрос был явно риторический, поэтому лейтенант Китт промолчал.

– Испытуемые отобраны из тех лиц, на которых излучение действует согласно прогнозу. Парадоксальная реакция также изучена – это сильные боли при активном излучении и никакой реакции при пассивном. Процент таких людей весьма невелик, из двухсот тридцати восьми облученных за все время существования излучателя таких попало всего двое. Вероятно, какое-то не выявленное пока физиологическое отклонение.

– Если нельзя экранироваться, то, возможно, получится как-то лечить? – спросил Китт. Шеклу отмахнулся:

– Это как раз к биологам. Мы – физики, нас интересует меч, но не щит! Нет-нет, это я увлекаюсь, щит, конечно, тоже, но в данный момент мы рассчитываем, что наше излучение будет использоваться против вероломных колоний. Самые смелые из нас не устают планировать, как будет включен депрессионный режим излучения на фронте и какие-нибудь там хонтийцы побегут, заливаясь слезами.

– Самые смелые планируют иное, – высказался с экрана полковник Мору.

Шеклу неприязненно поморщился:

– Я уже говорил и снова скажу вам, любезный Дишлав, что...

– Господа, – капитан Эштаву снова призвала стариков к порядку. – Мне кажется, лейтенанту Китту нужно увидеть все своими глазами.

– Да, конечно, – профессор Шеклу водрузил очки на нос и поднялся с места.

– Задержитесь, Китт, – прозвучало с экрана. – Остальные свободны.

2. Доктор Рейхар Китт, Волк Господа

– Господин Ромура Тшев, – отдельно и очень четко пробасил монах-пес, – волею Трибунала вы арестованы и передаетесь во власть Инквизиции как еретик.

Господин Ромура всплеснул руками и, опершись плечом о стену собственного дома, медленно съехал вниз, на мостовую, да так и остался сидеть в нечистотах, не в силах ни возразить, ни подняться, пока двое дюжих монахов-псов не подхватили его под руки и не потащили по направлению к зданию Трибунала. Никто не произнес ни слова, прохожие отворачивали лица и сжимали правую ладонь в кулак возле груди в принятом церковном жесте, чтобы никто из братьев-псов не решил, что Ромуру кто-то здесь жалеет. Инквизиция обоснованно считала, что невозможно искоренить ересь, не уничтожив и тех, кто сочувствует еретикам.

Рейхар Китт проводил монахов злым взглядом, стиснул челюсти так, что зубы едва не застрипели, и вышел из тени переулочка. Прохладный осенний воздух был полон запахов немых тел, мокрой шерсти, дыма и гниющей пищи, но теперь, казалось Рейхару, к этой обычной городской смеси добавился крепкий и острый, как укол в горло, запах унижения, боли и страха. Это был запах Трибунала, и с каждым годом город пропитывался им все сильнее.

В несколько поспешных шагов Рейхар пересек узкую грязную улочку и вошел в дом Ромуры:

– Улиа! Улиа, ты здесь? Я видел Ромуру...

Здесь было темнее, чем на улице, но Рейхар хорошо знал этот дом: нескладный сутулый господин Ромура Тшев был ему как брат, что же до госпожи Улии Тшев, то кумушки уже полгода как судачили, до чего она и Рейхар красивая и ладная пара. Не за горами и свадьба, благо, господин Рейхар Китт мужчина и при деньгах, и симпатичный.

Господин Китт неизменно при деньгах, потому что служит врачом, а после того как Инквизиция казнила двух его коллег, обвинив их в колдовстве, посетителей у Рейхара прибавилось. Что же до внешности, то первое, что замечал, и единственное, что запоминал себе-седник, были глаза Рейхара. Очень светлого серого цвета – они потому и выделялись на обыкновенном, хотя и слегка темноватом от природы, тонкогубом лице. Брился Рейхар всегда чрезвычайно тщательно, а потому выглядел аккуратно и весьма привлекательно в глазах барышень, хотя красавцем не был, да и ростом не вышел.

Доктор Китт влетел в комнату, и сестра арестованного Ромуры, заслышав шум, подняла на Рейхара помертвевшее белое лицо:

– Его увели. Пришли монахи. Увели в Трибунал.

Улиа сидела на скамье возле окна, уронив ослабевшие руки на колени. Даже теперь ее, убитую горем, можно было бы назвать красивой – светлые волосы рассыпались по плечам, потемневшие от ужаса голубые глаза казались синими на белом, точно мел, лице. Даже старые девы, у которых в глазах уже не пожар, пепел только, от которых доброго слова не услышишь, тоже признавали, что она всегда была хороша, хоть и тощевата.

– Улиа, – Рейхар приблизился к девушке и взял ее холодные руки в ладони. – Так этого оставлять нельзя. Мы должны что-то делать.

– Трибунал не отпускает никого.

– Я знаю! – взорвался яростью Рейхар. – Все я знаю! Но мы не будем спрашивать. Я найду несколько крепких ребят, мы тайно вытащим его!

Рейхар вскочил на ноги и, не зная, чем занять свое деятельное естество, принялся ходить по комнате, а затем, придумав себе наконец занятие, принялся зажигать свечи.

– Все крепкие ребята давно стали Псами, – Рейхар обернулся на голос и увидел, как Улиа растянула красивые губы в злой усмешке. – Ты говоришь совсем как Руис. Мы не будем спрашивать... Мы вырвем власть из их пасти...

– Что плохого в планах Руиса? – мужчина раздраженно дернул плечом, – Он знает, о чем говорит. Послушай меня, я не знаю еще, что произойдет, но Ромура будет свободен. Господь свидетель, он безобидный малый, он никому не делал зла! А значит, он будет свободен, ты веришь мне?..

Он говорил и знал, что лжет. И госпожа Тшев знала.

Инквизиционные суды были переданы Ордену Псов Господних около пяти лет назад, и только в первый год было казнено около трех сотен человек. Живым же не вернулся никто. Символом Ордена был черный пес на багровом фоне, бегущий вправо и держащий в пасти меч с изображением Чаши Мира на клинке. Псам Господним надлежало преследовать и уничтожать еретиков в королевстве, что символизировал меч. «Ибо дело их – Охота на диких тварей и Война за веру и свет!» – таковы были слова самого Главного Инквизитора. Под Войной за свет подразумевались иные дела Ордена: изучение наук и миссионерство... Но люди видели только жестокую бесчеловечную охоту на людей.

При господстве Псов Инквизиция перестала быть малым Святым отделом расследования ересей при Церкви. Даже сама организация, еще несколько лет назад представлявшая собой один лишь на все королевство общий суд, теперь разрослась, высасывая из страны и ресурсы, и деньги. Центральный инквизиционный совет, полудюжина Трибуналов в каждой местности – это было только начало. Теперь число местных Трибуналов увеличилось уже до дюжины, и в каждом порту располагалось отделение Трибунала. Даже в колониях уже завелись свои инквизиторы, берущие пример с кровавого Ордена Псов Господних.

Более того, через несколько дней на недавно открытый Архипелаг отправляется целая армада новейших кораблей, благодаря которым этот Архипелаг и был открыт, а на борту помимо команды, ремесленников и военных – инквизиторы. Рейхар был проездом в Порту-Руун и видел эти новые корабли, благо те еще не покинули гавань. Они и сами были похожи на город, эти великолепные суда, но гораздо красивее. Гордость короны, – говорили о них. А теперь гордость короны оседлали злые ссыльные Псы Господни и идут проповедовать неграмотным дикарям, у которых, по слухам, чудные зеленые глаза и раздвоенные языки. А Псы-то именно что ссыльные, потому что кто же по собственной воле отправится в это захолустье. Рейхар слышал, что инквизиторов на кораблях хватит на несколько Трибуналов, хотя на Архипелаге еще и поселений толковых нет, хижины какие-то да частокол. И за частоколом сидят, вцепившись в свои арбалеты и редкие «змеиные» ружья, те, кто бежал от Инквизиции на далекие дикие острова. Как страшно они просчитались...

Рейхар понимал, почему королевская чета попустительствует звереющему Ордену, нарушая законы предков и свои собственные, закрывая глаза на уничтожение церковной оппозиции. Первое время горожане злословили, что духовный отец королевы, сам из Ордена Псов, не духовник, но фаворит, любовник этой визгливой, отчаянно молодящейся старухи. Уже через полгода после учреждения первого Орденского Трибунала те, кто не задохнулся в дыму и запахе собственного горящего мяса, прикусили языки насчет недуховной связи королевы и Главного Инквизитора.

Вторая после постели причина передачи полноты власти над верующими Инквизиции была так же проста, как и первая. Корона желала упрочить государственное единство через единство церковное.

Третьим запахом в этом букете был запах медных монеток, так похожий на запах крови. Все конфискованное у казненных еретиков имущество оставалась в ненасытной пасти Инквизиции, но немало перепадало и в государственную казну. И Рейхар не знал, от которого запаха его мутит больше.

Улиа вгляделась в искажившееся от ненависти лицо Рейхара:

– Ты зря пришел сюда, Рейхар. Тебя видели соседи, они донесут. Теперь тебе нужно «зарываться в грязь», а у тебя и денег при себе нет...

Госпожа Тшев говорила о подполье. Если кто-то из милых соседок или их мужей сообщит монахам, что Рейхар входил в дом после того, как увели господина Тшева, это причислит господина Китта к личностям, сочувствующим еретикам. Дом Тшевов стал словно зачумленным с того самого мига, как Ромуре объявили об аресте. А значит, господину доктору придется «зарываться в грязь», как многим из еретиков, – скрываться от Трибунала среди нищих и воров.

– Деньги я добуду, я ведь врач, – отмахнулся Рейхар, и Улиа уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент входная дверь распахнулась, и в комнату ворвались двое.

Разворачиваясь на звук, Рейхар схватил со стола тяжелый подсвечник, готовый разможить им череп первого, кто сунется к девушке, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что вломились в дом не монахи-псы – эти гости были горожанами, пусть и не из богатых. Похожие друг на друга как две капли воды, они замерли в дверном проеме. Это могли бы быть мародеры. Если только мародеры ходят по бесчестным, но спокойным своим делам с тяжелыми взведенными арбалетами.

– Вечная тьма, – выдохнула Улиа. – Близнецы, как же вы нас напугали!

– Сюда идут Псы, – быстро сказал один из гостей.

– Берите бумаги и уходите, – продолжил второй.

– Рейхар, ты головой отвечаешь, – уведомил господина Китта первый.

– И за книги, и за девку, – уточнил второй.

Сколько Рейхар их знал, они всегда говорили попеременно, заканчивая фразы друг за другом. Улиа вскочила с места и бросилась к тайнику за тяжелой лавкой, которую уже отодвигал Рейхар, отбросив подсвечник. Главной ценностью и проклятием этого дома были книги, запрещенные Святой Инквизицией к распространению и хранению. Философские и научные книги. Еретические книги.

– Массаракш, – прошипел Рейхар.

Вдвоем они вынули из углубления в стене несколько старых, еще рукописных, фолиантов и едва успели выгрести россыпь пожелтевших от времени свитков, как из-за двери послышался голос одного из близнецов:

– Улиа, быстрее! А, тьма... Факелы! Рейхар, в окно!

Девушка испуганно замерла на месте, и Рейхар успел подумать, что она – как лесной олень, замерла под прицелом охотника, надеясь, что тот не заметит.

Рейхар распахнул ставни и выскочил во двор, опершись одной рукой о подоконник. Через миг он уже стоял под окном, слушая, как шуршат юбки Улии, а затем подставил руки и принял на них сначала манускрипты и свитки, а затем и легкое девичье тело. В любой другой момент такая близость заставила бы их обоих деланно смутиться, но сейчас Рейхар быстро опустил госпожу Тшев на землю, сунул ей в руки всю стопку найденного, чтобы освободить руки.

– Не беги.

Он стиснул локоть Улии и быстрым, но не слишком поспешным шагом направился вперед.

– Не беги, – шептал он, наклоняясь к самому уху девушки. – Движение только привлечет взгляды. Все бегут, Псы привыкли высматривать бегущую добычу.

Улиа послушно двигалась рядом, Рейхар чувствовал, как она дрожит. Он уводил ее дальше от факелов и бьющихся насмерть Близнецов, заходил за дома и выжидал там, принося Улиу молчать и не шевелиться, петлял по кварталу. Под конец он затащил госпожу Тшев в какой-то грязный, полный рабочего люда кабак и долго стоял возле стены, напря-

женно глядя на дверь, пока работяги, смеясь, отпускали низкие шуточки и зазывали Улиу бросить этого сопляка и книжки и пойти к ним, настоящим мужчинам. Когда они вышли, Рейхар снова наклонился к Улии:

– Прости меня, тебе не следовало бы появляться в таких заведениях. Это опасно для такой девушки.

– Для любой девушки опасно попасть в лапы к братьям-псам, – тихо ответила Улиа. – Господь свидетель, я никогда в жизни так не боялась.

Через дюжину минут они вошли в чей-то дом, с виду уже спящий и темный, на ощупь спустились в подпол. Улиа постучала в дверь, и та отворилась не бесшумно, но достаточно тихо, на хорошо смазанных петлях.

– Улиа, о, девочка моя, – послышался старческий голос. – Заходи. Я послал за тобой...

– Их больше нет, – девушка вступила в комнатку, Рейхар вошел следом.

– Псы, пожри их тьма, из которой они вышли! Китт, рад видеть тебя живым, – крупный, краснолицый, похожий на мясника мужчина придвинулся ближе и сжал предплечье Рейхара так, что у него чуть не треснули кости.

Рейхар освободился от хватки и огляделся. Помимо него и Улии Тшев в комнатке было пятеро – с четырьмя он был знаком почти год. Старик, нервно переминающийся с ноги на ногу, похожий на писаря при монастыре, сутулый и тощий, словно высохший, – это господин Борте Хет, ученый и философ. Мясника зовут Грум Лариному, он никогда не был особенно умен, зато некогда был весьма состоятелен. Церковь Грум ненавидит за то, что они сделала из него почти нищего. Причина не хуже прочих. Из троих мальчишек он знал только длинного тощего Вейга, этого мерзковатого характером ученика менялы-хонтийца, да лопухого веснушчатого оборванца Неелая, который научился сплевывать через выбитый зуб и чрезвычайно гордился этим умением, демонстрируя при каждом удобном случае. Отец оборванца не только бывший судья, но и бывший живой. Судью-еретика сожгли несколько месяцев назад, возмущенные люди страшились роптать, и город полнился лишь тихим шепотом. Вскоре и шепот прекратился – на место старого судьи был поставлен гибкий, словно бескостный, Инквизиторский выкормыш с водянистыми глазами лжеца и подхалима. Рыжий Неелай остался один. В обычных условиях ему грозил бы монастырь или портовый притон – еще неизвестно, что лучше. Однако воспитан мальчишка был пусть и в некотором уважении к Церкви, как к организации власти, но в ужасающем неверии, в связи с чем ему грозил уже не монастырь или притон, а костер. Еретики забрали мальчишку из-под носа у Псов.

Рейхар Китт обернулся на тихий разговор. Улиа что-то объясняла мяснику и старцу, причем последний мелко кивал и, кажется, соглашался.

– Но Улиа, – говорил он дребезжащим голосом. – Это так опасно, о, как это опасно. Ромуру арестовали. Близнецы пали, как вы говорите...

– Надеюсь, что пали, – жестко сказал Рейхар, присоединяясь к беседе. – Хуже, если их взяли живыми. Нужно уходить.

– Да-да, нужно уходить, – господин Хет беспомощно оглядывался вокруг. – Ах, вы принесли книги, чудесно, чудесно...

Он еще что-то бормотал, беспорядочно и медленно собирая свои вещи, разбросанные то тут, то там, брал в руки какие-то записи, ронял, подбирал с пола и рассматривал их, подслеповато щурясь и шевеля губами, потом откладывал.

Только теперь Рейхар обратил внимание на глазающего на него незнакомого юнца лет двадцати. Рейхар кивнул мальчишке, и тот воспринял этот жест как приглашение: подошел к Киту и улыбнулся – открыто и очень приветливо. И очень неуместно.

– Меня зовут Виль, – сказал парень. – Я подмастерье у медника.

– Рейхар Китт, – представился мужчина. – Я еретик.

Мальчишка только рассмеялся. Рейхар в недоумении оглянулся на Улиу, словно желая спросить, что это за недоумок тут хохочет, когда сюда с минуты на минуту могут нагрянуть монахи, но тут же понял, где он слышал это имя. Виль-пророк, мальчишка не от мира сего. Он был вдохновителем ереси, его видения почитались за откровения. Рейхар заранее недолюбливал этого Вилья – он не видел и не понимал разницы между откровениями этого полусумасшедшего и откровениями церковных святых. Одни бредят о величии и милосердии Господа, этот с той же убежденностью в истинности своего бреда вещает о том, что нет никакого церковного Господа, держащего Мир, есть лишь пустота.

– На тебя правда снисходят видения? – грубо спросил Рейхар, и улыбка Вилья заметно погасла.

– Правда.

Больше ничего Рейхар спросить не успел: господин Хет собрал наконец свои бумаги и пригласил всех на выход.

– А куда мы идем? – любопытствовал Виль.

– Не знаю, – ответил Рейхар, злясь. – И не спрашивай. Узнаем, когда придем. Так больше вероятность, что ты не побежишь докладывать Псам о том, где теперь книги.

Но Виль, к большому разочарованию Рейхара, не обиделся, а, напротив, рассмеялся.

– Ох, ярый какой, – проговорил он, смеясь. – Ярый, подозрительный... Дикий.

– Встречаемся у «Тыквы», – пробасил Грум. – Вейг, тащи из дому свое тряпье, Улиу под парня оденем. Ищут девку.

Ученик менялы кивнул и выскочил на улицу. Долгое время все прислушивались, не раздастся ли крик, шум борьбы и ругань монахов-псов, но было тихо.

– Нет никого, – определил Грум. – Неелай, еще раз плюнешь на пол, уши вырву. Давай в окно, свисти, ежели что.

Следующим вышел Рейхар с книгами, Виль увязался по дороге. Последним дом покинул Грум, он сопровождал старика и девушку.

По дороге Виль многословно пояснял Рейхару, почему так важна для них Улиа.

– Ромуры нет теперь, – легко говорил он, и Рейхар снова сжимал зубы почти до хруста. – Надо кому-то книги переписывать. Борте человек образованный, да почерк у него такой, что он сам с трудом разбирает, привык писать наскоро. Прочесть нет возможности, у него перо заплетается, у чтеца – язык. Грум пишет медленно, до конца года книгу не осилит. А мы вовсе грамоте не ученые. Вот Улиа пишет, как поет, и ровно, и плавно, и быстро.

– А Вейг что же? – удивился Рейхар. – Он же с менялой дело имеет.

– А Вейгу я не верю, – улыбался Виль. – Он, как хорек, быстрый, проворный, так и норовит глаза выесть. Ох, хорек он...

Здесь Рейхар был согласен с пророком, он Вейга недолюбливал именно за это ощущение, за ожидание стилета в спину.

– А со мной зачем пошел? Боишься, что книги украду?

– Нет, – Виль на цыпочках обошел глубокую лужу по краешку, расставив руки, почти приплясывая, словно забавлялся. – Я один ходить боюсь. Случается, скрутит на улице и лежишь в канаве, грязью давишься. Хорошо, если не пнет никто, а то бывает, очнешься избитый весь и не знаешь, кого за синяки благодарить, для кого у Господа высшей милости просить... Этак ведь однажды и не очнусь. А ты и меня, и книги сбережешь, я знаю. Я всех людей вижу, Рейхар Китт, еретик. Что они есть, то я и вижу. Ты – Волк.

Рейхара прошиб холодный пот. Вспышка в сознании сменилась вязковатой тревогой, а Виль беззаботно продолжал:

– Ярый, дикий. Ух, глазищи серые, светлые, как дорогая сталь. Но верный. Вернее собаки. Ты не из Псов, я уж вижу. Волком буду тебя звать. А как я буду звать, так и остальные будут. Они меня слушают, знают, что не совру.

– А Неелай кто? – спросил Рейхар, чтобы не молчать.

– А, воробышек малый. Птичка добрая, – Виль смеялся. – Чем же ты на жизнь зарабатываешь, Волк?

– Меня зовут господин Китт, – глухо сказал Рейхар. – Я до сегодняшнего вечера был врачом. Теперь буду отребьем в порту, потому что меня ищут Псы. Тебе же, щенок, знать полагается только то, что я несу книги в «Тыкву».

– Ты мне не веришь, господин Волк? – Виль потешался, явно привыкший к вниманию и уважению среди еретиков.

Но Рейхар был очень странным и действительно недоверчивым еретиком. К тому же все еще напуганным. Он остановился, продолжая левой рукой прижимать к груди свитки и книги, правой взял пророка за ворот рубахи и несколько раз приложил спиной о стену, говоря по слову на каждый удар:

– Меня зовут господин Китт. И книги мне важнее, чем ты.

Рейхар встряхнул мальчишку и продолжил говорить:

– Я тебя впервые вижу, и если потеряю по дороге – не расстроюсь. Поэтому если надеешься до места дойти, да еще и на своих ногах...

– Я понял, – просипел Виль.

– Понял – кто? – еще раз встряхнул парня Рейхар.

– Понял, господин Китт.

– Хорошо.

Господин Китт отпустил пророка и тот поплелся за ним, шмыгая носом и более уже не пританцовывая. «Его веселость не выдержала столкновения с суровой действительностью каменной кладки», – поэтизировал имевший некоторую склонность к искусствам Рейхар про себя, но уже досадовал, что обошелся с мальчишкой слишком круто. Щуплый ведь, и в чем душа держится? Но больно уж складно он говорит для простого подмастерья. Видимо, Хет его грамоте обучил и правильной речи.

– Ох и ярый, – шептал позади Виль-пророк, потирая ладонью саднящую грудь и поводя ушибленными лопатками. – Дикий волк, волчище.

К «Пустой тыкве», кабаку, некогда принадлежащему Груму Лариному, Виль и Рейхар добрались только за полночь, все уже были в сборе, незнакомцев не было. Рейхар с болью смотрел на то, как осваивается в новом мире Улиа в мальчишечьем платье, с обрезанными светлыми волосами. Как она учится не по-дамски ходить, а Грум хохочет над ее грациозной неуклюжестью.

– Все равно девка, – сказал Рейхар. – Дай-ка вот...

Он потер рукой стену над очагом и несколько раз осторожно провел ладонью по волосам Улии и ее красивому лицу, ставшему как будто моложе после того, как обрезали длинные локоны. А может, и не моложе, просто беззащитнее.

– Ой, чумазая, – рассмеялся Виль.

Странно, но пророк все еще был подле Рейхара, как будто не боялся его, хотя того же Вейга двинь разок о стену – мигом поймет держаться подальше.

– Зато на мальчика похожа, – Грум был доволен. – Что делать будем? Руис говорит, пора начинать войну и так слишком долго ждали.

– Нет-нет, я против войны, – заговорил господин Хет, нервно сжимая пальцы. Из всей секты он один мог возражать Руису так, что тот прислушивался. – Этот ваш разбойник хочет не просвещения, но только крови. Чем мы лучше Псов в таком случае? Я проповедовал то, что Церковь зовет ересью, уже тогда, когда этот ваш Руис разучивал свои первые ругательства. И я все еще жив! А почему?

Борте Хет поднял палец вверх и замолчал, оглядывая собравшихся в «Пустой тыкве».

– Потому, дети, что никогда не вступал в открытую конфронтацию с Церковью. Я делал свое дело тихо, не привлекая внимания Псов...

– А если бы вы с вашей сектой перебили монахов лет пять назад, может, и не было бы этого зверства, – сказал мужчина с язвительным и словно для наглядности источенным язвочками лицом, которого все так и звали Оспа. – Нужно было давить их, пока они были еще щенками, пока не осерчали.

– Вы не можете так говорить, – запротестовал Хет. – Вы не можете этого знать, история, понимаете ли, не терпит сослагательного наклонения, не терпит всех этих «если бы», она...

– Хватит трепотни, – Грум ударил в стол дном тяжелой пивной кружки. – Полжизни треплетесь, а мы все слушаем. Руис говорит, что нужно воевать и первым боем будет освобождение Ромуры Тшева, которого Псы взяли вечером.

Все замерли на местах, даже господин Хет, все еще вполголоса переругивающийся с Оспой, умолк и недоуменно заморгал и нахмурился.

– Но позвольте, – начал он, – нам что же это, тюрьму штурмовать?

– А хоть бы и штурмовать! – выкрикнул заводящийся с полуслова Оспа.

– Нет-нет, я против, – заволновался старый ученый. – Мы потеряли сегодня Близнецов, они вероятнее всего мертвы, но это ради книг. Ради книг, понимаете! Но штурм ради чего-то иного... Мы не можем терять еще людей, это... Это расточительство!

Рейхар видел, как Улиа закусила губу и переводила тревожный взгляд с Грума на Хета и обратно, словно они перекидывали друг другу нечто, за чем следовало неотрывно следить. Если бы решала она – на штурм тюрьмы Трибунала отправились бы немедленно.

– А Руис говорит, что мы заставим Церковь считаться с нами, – упрямо говорил Грум. – Иначе всю жизнь и просидим в подполье. Как крысы.

Молодежь одобрительно загудела. Они не хотели быть как крысы.

– А я говорю, что ваш Руис отправляет нас на смерть! – воскликнул господин Хет. – И, Улиа, девочка, прости старика, но Ромура не стоит гибели кого-то из нас. Близнецы своей кровью заплатили за книги и Улиу, но...

– А Руис говорит, что никто не ожидает, что Ромуру будут освобождать. А значит, его будут охранять обыкновенно. Кто-то когда-то штурмовал Трибунал?

Борте Хет пожевал губами и признал:

– Нет, за то время, что Псы в Инквизиции, на это никто не решался. Но года четыре назад в Ууре, помнится, был убит председатель инквизиционного суда, да прямо в церкви. И, заметьте, привело это только к тому, что взрывы народного негодования были подавлены самыми жестокими, самыми страшными, самыми кровавыми, в конце концов, методами. И что мы теперь знаем об Ууре? А то мы знаем об Ууре, что практически вся земля там принадлежит Инквизиции, поскольку настоящие ее хозяева казнены, а имущество конфисковано. Нет-нет, если мы тронем Трибунал, столица опустеет.

– Но мы подадим пример, – проговорил Оспа и, передразнивая господина Хета, воздел вверх длинный узловатый палец с грязным обкусанным ногтем. – И если нам удастся – в местностях поймут, что равный бой возможен. И во всем королевстве начнется бунт!

– Так вот чего вы хотите? – надрывался ученый, но его голос потонул в восторженных криках еретиков. – А вы понимаете, что даже если нам и не удастся – охрана судов будет многократно усилена! А уж если удастся... Вы понимаете, что будут казнены...

Его уже не слушали. Улиа плакала от счастья в руках посмеивающегося Оспы, молодежь бахвалилась и спорила, сколько монахов кому удастся зарезать, мужчины постарше уже делили шкуру убитого пса и обсуждали, как поднять бы скорее восстание по всему королевству. В затхлом воздухе заброшенной таверны вдруг пахло свободой, а люди устали жить, скрываясь в грязи, верить молча, бояться любого, кто походит габаритами на Пса – монахи всегда высокие, здоровенные, и сопротивляться таким бесполезно. А тот, кто не

походит на Пса и даже не связан с Инквизицией, – тот всегда может донести. Выхода не было, не было надежды, и еретики были рады даже такой возможности освободиться от Церкви. Пусть мы пойдем во тьму, но зато другие...

– Бунт! Бунт!

– Штуц нам поможет, даст оружие, а может, и стрелков даст...

– Рейхар, ты слышишь? Все как ты говорил! – восторженный голос Улии потонул в шуме других голосов, избавив Рейхара от необходимости отвечать.

– Ох, и заживем же! Напоследок хоть проживем как люди...

– Руис – голова!

Рейхар украдкой глянул на Виль, наполовину ожидая увидеть то же душевное волнение и подъем, что охватило всех, но пророк был странно спокоен на фоне воодушевленных будущей битвой людей и выглядел почти нормальным юношей.

– Они все покойники, – раздраженно сказал Хет, усаживаясь на скамью рядом с Рейхаром. – И я почти желаю им погибнуть при этом безнадежном штурме. Пусть дураки отправляются во тьму, это лучше, чем на костер... А вы, господин Китт, я вижу сохранили разум. Ведь вам безразличен этот бестолковый Ромура, я надеюсь?

– Ромура мне как младший брат, – сказал Рейхар, – глупый, несмышленный, но брат, и мне сердечно жаль его. Но я считаю, что вы правы. Если смотреть в будущий день...

– Какая отрада – слышать разумную речь! – перебил Рейхара Борте Хет. – Именно, именно что в будущий день! Я, пожалуй, даже готов признать правоту этого господина... Этого господина... Видите ли... С лицом...

– Оспы, – подсказал Виль.

– Да-да, именно его правоту я и готов признать, спасибо, Виль. Возможно, он и прав, и во всем виноват день прошлый. Возможно, и впрямь нужно было давить щенков пять лет назад. Это разумнее, чем теперь наскакивать на злого и матерого пса, который уже привык жрать человеческое мясо. Где они возьмут оружие, позвольте спросить? Штуц не даст им ружей, поверьте моему слову. Он разумный, деловой человек. И что они будут делать? Должно быть, кинутся на монахов с вилами! Кстати, Виль, мой мальчик, тебе ведь тоже отчего-то совсем не хочется на штурм, верно?

Виль пожал плечами и сказал без своей обычной придурковатой улыбки:

– Так Руис и не пустит меня на войну. Он и сам не пойдет, вот увидите. Если штурм не удастся, он соберет новую секту, а меня будет выставять перед ними, как ярмарочного уроды. Так же как выставял перед вами. А если удастся – все поймут, как он хорошо планировал штурм. Так хорошо, что сам не явился.

Рейхар изумился спокойной и взвешенной речи сумасшедшего. Хет, видимо, тоже был поражен, если неговору, то мысли пророка, потому что, помявшись, спросил осторожно:

– Быть может, ты считаешь, милый мой Виль, это не первая попытка нашего безрассудного Руиса атаковать Трибунал?

– А я не знаю, – признался Виль. – Не удивлюсь, если нет.

Он вдруг повернулся к Рейхару:

– Простите меня, господин Китт. Я не хочу, чтобы и вы шли на штурм.

– Если бы мог – не пошел бы, – отрезал Рейхар, теряясь, а потому допуская излишнюю грубость. – Но я пойду.

– Из-за Ромуры?

– И из-за нее, – Рейхар снова перевел взгляд на Улиу.

– Как? – изумился ученый. – Неужели вы думаете, что и девочка?..

Рейхар вздохнул:

– Неужели вы думаете, что кто-то сможет ее удержать?

Грум, как глава победившей в дискуссии о войне с Церковью группы, уже всю рас-суждал о будущем штурме, без обсуждений принимая на себя командование отрядом:

– Ромуру уже допросили, и раз монахи заявили к Тшевам в дом, значит, он рассказал уже и о сестре, и о книгах, и о нас...

– И зачем вы идете за тем, кто выдал нас Инквизиции? – повысил голос господин Хет.

– Затем, что это рассказал бы любой, кого арестовали Псы, – пробасил Грум. – Даже вы, уважаемый Хет.

– Под пытками – да, рассказал бы за милую душу, – не стал спорить ученый. – Но не в первые же минуты допроса.

– Откуда вы знаете, что его не пытали? – Улиа готова была накинуться на Хета и уда-вить старика голыми руками.

– Оттуда, девочка моя, что у Инквизиции есть протокол, которого церковники неукос-нительно придерживаются, – просто сказал старик. – Но я уже вижу... Нет смысла в моих речах, ибо нет ушей, способных услышать. И я умолкаю.

– Да уж сделайте одолжение, – едко сказал Оспа. – Грум, говори.

– Лучше всего штурмовать, перед тем как сменится охрана... Но еще лучше, если пла-нировать атаку будет Руис. Он ведь воевал...

– Грабил, – нарушил обещание и громко поправил Грума господин Хет, но на него никто не обратил внимания.

– ...ему лучше знать, как нужно нападать. Мы должны верить ему! Все ему верят! Наш брат, наш Ромура – он ему верил!

– Ну и где теперь Ромура? – спросил Виль столь тихо, что услышал его только Рейхар.

Так Ромура постепенно делался мучеником, почти святым в этой небольшой еретиче-ской общине. Уже никто и не думал, чем был Тшев на самом деле, он, сдавшийся монахам без сопротивления, становился символом борьбы и свободы. Рейхар наблюдал за толпой и думал, что они, пожалуй, ничем не отличаются от истинно верующих, которых сами же то жалеют, то презирают.

Символом Церкви был Мир: круг, изображающий Мировой Свет, и расположенный под ним полукруг, изображающий Мировую Чашу. Круг и полукруг увенчивали верхушки церквей, были нарисованы на воротах монастырей, вырезаны на дверях и окнах домов. Сим-вол был вышит монахинями из женских монастырей на рясах священнослужителей, сим-вол гравировался на доспехах воинов. И именно в символ Мирового Света складывался кулак горожан, прижатый к груди, это был принятый церковный жест, и охранный – «Свет в сердце». Но была у этого символа и атакующая форма. Особенный удар монахов-псов нано-сился этим священным сжатым кулаком в позвоночник жертве. При этом монах фанатично кричал о боге, а его жертва кричала от боли. Позвоночник ломался, еретик был обез-движен ниже пояса и теперь не мог убежать от очищающего гнева Церкви.

Церковь гневалась на еретиков, этих диких тварей, за их непочтительность к Господу, ведь он, согласно догмату, держал в правой руке Мировой Свет, это по внутренней стороне его ладони, сложенной чашей, и бродим мы, смерт-ные слабые люди. Неблагодарность еретиков грозила вечной мукой им же самим: после смерти душа благочестивого человека отправлялась в Мировой Свет, а душа еретика застывала навечно во Тьме – окружающей божью ладонь бескрайней тверди, – как муха в янтаре. Церковь, объединительница земель, отрада уставшего духа, надежда отчаявшегося духа, защита слабого духа, считала своим долгом оградить от этой душевой чумы невинных детей и благочестивых подданных Его Королевского Величества. Таким образом, в жертву следовало приносить всех, в чьих душах были посеяны семена ереси. Раскаившихся еретиков перед сожжением удавливали – это и была отрада уставшего духа и проявление великодушия.

Ромуре грозила теперь именно такая, легкая, казнь, ведь он в присутствии свидетелей-священников, как полагалось по протоколу, рассказал инквизитору о книгах. Теперь за книгами и теми, кто их хранит, начнется Охота, и Рейхару странно было слышать, как те, кого будут выслеживать Псы, собираются сами прийти в песью конуру. Повезло еще, что это столица, крупный город и здесь есть тюрьма – не будь ее, арестованных отвозили бы в монастырь Ордена Псов Господних, а для его штурма потребовалась бы целая армия. Но разве Рейхар не один из них, этих измученных, отчаявшихся людей? Он пойдет в атаку, как все, а если выживет – начнет поднимать бунты в других городах, как все...

Когда собрание закончилось, Рейхар с трудом нашел дорогу домой – еще никогда он не возвращался из «Тыквы» так поздно. Он долго шел по кривым улочкам, дважды вступил в лужу, поскользнулся на каких-то помоях и едва не упал. Он никогда не опасался, что дома его схватят Псы.

3. Лейтенант Чейз Китт, сотрудник Имперского Разведывательного Управления

До Зоны 15 Чейз только дважды бывал в подобных ей сверхсекретных научно-исследовательских комплексах. На поверхности они выглядели как приземистые склады, по территории сновали хмурые военные и имитировали бдительность. Но в отличие от Зоны 15 в тех комплексах за Чейзом всегда топал двухметровый солдат, который держал автомат, как держат долгожданного первенца. Здесь все было не так: здесь сам Чейз топал за стремительно шагающей капитаном Сой Эштаву, которая, как оказалось, была всего лишь «кабинетным солдатом», чином в администрации комплекса. Эштаву сопровождала Чейза к входу в научный комплекс, по пути рассказывая о Зоне:

– Зона 15 построена не слишком давно, но мощности ее вполне освоены. Работы у нас ведутся по двум направлениям, вас касается только направление «Луч». В вашем распоряжении лаборатории, тестовые камеры, в общем, все, что только может понадобиться для исследования. Кабинет, где вы проходили ментоскопию, располагается в секторе М, медицинском. Жилые помещения для Группы А в секторе У-1. Если понадобится связаться со мной – позвоните в административный сектор, нас соединят: за Группу А отвечаю я.

– А это что? – лейтенант Китт указал на ярко-желтые ящики, висящие на стенах через определенные промежутки.

– Акваланги, – коротко ответила капитан Эштаву, но все же соизволила пояснить: – Комплекс расположен под озером, вы видели, должно быть, ГЭС.

– Думаете, в случае чего акваланги нас спасут? – поинтересовался Чейз.

– Ни в коем случае. «В случае чего», как вы выразились, всем нам необходимо погибнуть, чтобы материалы нашей работы не достались врагу, – на миг Чейзу почудилось, что в жестком голосе капитана Эштаву должен быть сарказм, и Чейз уже приготовился рассмеяться шутке, но вовремя осекся.

Эштаву была предельно серьезна и предельно убеждена в высшей правоте и смысле своей героической смерти.

– Рабочих эти ящики и акваланги успокаивают, – сказала она. – Это вход в ваш сектор Н, научный, дальше вас проводят. Я вынуждена вас покинуть.

Чейз успел протянуть руку капитану Эштаву, и та, поколебавшись, пожала ее:

– Что ж... Добро пожаловать в Зону 15, лейтенант. Не буду лгать, что мы здесь все дружная семья, но мы честно и с полной самоотдачей трудимся на благо Империи и Его Императорского Величества. И ждем того же самого от вас.

Выдав эту прочувствованную сентенцию, Сой Эштаву оставила Чейза провожать ее взглядом перед входом в сектор Н. Затем он приложил пропуск к сканеру, дождался, пока машина распознает шифр, и вошел в открывшуюся дверь.

Все походило на обычный научно-исследовательский институт – белые коридоры, редкие белые халаты, рассеянный свет. Только желтые ящики как-то оживляли картину. Обещанного проводника все не было, и Чейз прошел до первого же разветвления коридора. «Л-1, 2» – гласила табличка со стрелочкой влево. «Я-1, 2, 3» было написано на такой же табличке со стрелочкой вправо. Очевидно, ему налево.

Оставался и третий путь – прямо, но никакая табличка не указывала, что там будет. Даже шифровки не было. Единственным намеком были рельсы в полу, ведущие в третий коридор из лабораторий.

– Направо пойдешь... – вполголоса произнес Чейз.

– К ядерному реактору попадешь, – продолжил фразу чей-то низкий веселый голос.

Чейз обернулся и тут же обнаружил, что ему уже пожимают руку и уводят под табличку с буквой «Л». Пожимающий и уводящий был здоровенным усатым детиной, который гордо носил звание старшины. Толстый, но весьма подвижный старшина успевал говорить, жестикулировать, похохатывать и непрестанно поправлять автомат, казавшийся игрушечным на могучем плече. Живая, кипучая энергия была из мужчины ключом, казалось, если он хоть на минуту замолчит или перестанет двигаться, его просто разорвет изнутри.

– А налево пойдешь – биологические лаборатории Л-1 найдешь. Найдешь также штат белых халатиков, Старика Шеклу, к которому мы идем, и старшину Хрега Унару. Старшина Хрег Унару – это я, здесь я за всеми присматриваю, здесь от меня все зависит. Массаракш, я клянусь тебе, все эти халатики буквально шагу без меня ступить не в состоянии! Видать, кто-то из чинов побоялся, что и ты из таких, так что я выдан тебе, дружище, в качестве проводника по тайным закоулкам Зоны 15 и личного помощника. Вижу, ты счастлив. Это хорошо! Человек поистине создан для счастья! Кстати о счастье, знаешь ли ты, что среди моих предков были горцы? Нет, ты не знал и пребывал во тьме, но я лишил тебя позорного незнания! Сейчас, постой-ка... Массаракш, да где же она...

Старшина пошарил огромными ручищами во всех карманах и из последнего извлек старую засаленную фотографию.

– Это мой дед, настоящий горец!

На черно-белом снимке, которому явно пришлось пережить немало атак соусом и кофе, едва различим был силуэт человека.

– Он был великий герой, насколько я знаю. Правда, бабушка моя, да пребудет она в Мировом Свете, говаривала, что был он пьяница, кобель и дебошир, но мы-то знаем, что так наши жены готовы заклеить каждого, кто не держится до старости за ее юбку, успевают осчастливить до свадьбы пару молодухек и не ест на завтрак одну лишь кашу и вареную капусту. Ты любишь вареную капусту? Массаракш, да ведь человек, если он мужчина, конечно, не может любить вареную капусту, дружище, это научный факт! Мы ведь в научном, – это слово старшина протянул с благоговением, – научном, понимаешь ли, комплексе, а стало быть, какой бы факт ты не изрек в этих стенах, он тут же становится фактом научным. Понимаешь теперь, почему все здесь такие важные? Что ж, вот мы уже и дошли налево, нашли Старика!

– Ну а если прямо пойдешь? – Чейз вывернулся из рук старшины и обнаружил, что они действительно преодолели расстояние до кабинета профессора Шеклу.

– А если прямо пойдешь – выговор с занесением в личное дело и прочие неприятности найдешь: там запретная зона, даже халатикам туда нельзя. Хотел бы я, массаракш, чтобы там обитал наш местный Призрак... Что ж, лейтенант, держи-ка говорилку, – старшина Унару вручил Чейзу рацию. – Она настроена на один канал, наш, но халатики ею не пользуются, так что сможем поболтать в любое время. Что неясно – сразу вызывай. Бывай, лейтенант!

С этими словами Хрег Унару, внук горца, старшина и трепло, развернулся и пошел обратно. Чейз только головой покачал – все его передавали здесь с рук на руки, сопровождали, провожали. Отчасти это было даже забавно. Чейз вошел в кабинет профессора, и тот поднялся ему навстречу из-за письменного стола.

– Я слышал в коридоре старшину и не рискнул покинуть свое убежище, – профессор Шеклу приветливо улыбнулся. – Присаживайтесь, господин лейтенант, ваш кабинет еще не готов, сегодня вам придется поработать здесь. Как вам наши лаборатории?

– Признаться, я мало что увидел, пока меня волокли по коридору, – сообщил Китт, поправляя китель.

– Да... Общение со старшиной Унару – испытание для любой психики, – Шеклу поправил очки, прижав их двумя пальцами к переносице. – Я предпочитаю отсиживаться в безопасных местах, стараюсь беречь себя для великих открытий на благо человечества.

– Весьма ответственный подход к работе, – отметил Чейз, присаживаясь в кресло у стены.

– Таков мой долг перед Отечеством, – Шеклу взял со стола и протянул Чейзу целую стопку папок и конвертов. – Я подготовил для вас, господин лейтенант, личные дела всех сотрудников нашей лаборатории и кое-какие записи по работе. Сейчас я вынужден вас покинуть, ну да это и к лучшему: изучите материалы в спокойной обстановке, в тишине. Если будут какие-либо вопросы, пожалуйста, сразу вызывайте меня, договорились?

– Конечно, – вежливо кивнул Чейз. – И тогда, пока вы не ушли, сразу вопрос – могу я лично понаблюдать за испытуемыми?

– Несомненно. Через, – Шеклу бросил взгляд на циферблат, – четыре с половиной часа излучатель будет переключен в активный режим, сможете сами понаблюдать за тем, что мы называем «энтузиазм». В пассивном режиме ничего интересного не происходит, испытуемые его не замечают и никак не реагируют. Реакция, о которой я говорил, проявляется со временем, все это есть в отчетах, графики прилагаются.

– Тогда не смею больше вас задерживать, профессор, – Чейз взял со стола верхнюю папку, и Шеклу, выйдя в коридор, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Чейз тут же отложил папку в сторону и принялся изучать личное дело самого Верьямера Шеклу. Действительно славный и старый графский род, чутье не подвело. Закончил с отличием... аспирантура... бакалавр, доцент... монографии и учебники для вузов... доктор – звание профессора... снова монографии и десятки совместных работ по волновой физике, и десятки наград. Самая обычная жизнь гениального физика, Чейз такие изучал в сборнике Лучшие Умы Империи, правда, про секретные разработки в Лучших Умах не распространялись, а так – ничего примечательного в жизни графа Верьямера не было. Разве что зачем-то таскает везде за собой младшего научного сотрудника Кима Дасаи. Чейз тотчас нашел в стопке дело самого Дасаи, это оказалась самая тонкая папка. Чейз был почти уверен, что молоденький Ким окажется племянником Шеклу или еще каким-то дальним родственником, который осиротел на войне, но никакой родственной связи между молодым выпускником и старым преподавателем обнаружить не удалось. Шеклу преподавал одно время у Дасаи, заметил талантливого студента и теперь держал при себе, видимо, в качестве ученика, которому можно передать дело всей жизни. Довольно скучно, хотя и не лишено некоторой романтики.

Так Чейз просмотрел еще несколько дел сотрудников Группы А. В середине стопки документов оказалась папка с информацией о докторе Фешсу, и это оказался настолько колоритный персонаж, что Чейз всерьез зачитался его личным делом, как хорошим романом, а потом еще и перечитал самые интересные страницы.

Судя по фотографии, доктор Фешсу был мужчиной крупным и рослым, однако отчего-то не казался человеком могучим, словно вся сила и мощь, которая должна была достаться такой внушительной форме, ушла в интеллект. В этом году Дект Фешсу отпраздновал пятьдесят третий день рождения. За эти пятьдесят три года он успел закончить кафедру ядерной физики столичного института имени И. Кшефу и поступил в аспирантуру Института ядерной физики в городе, которого раньше не было на гражданских картах, а теперь и вовсе нет на континенте, и война тому виной, а не неудачный эксперимент доктора Фешсу. Защитив блестящую кандидатскую, по которой затем была выпущена объемная монография, Фешсу стал ведущим научным сотрудником лаборатории ядерной инженерии (заведующий лабораторией академик Креес), затем буквально в течение четырех лет стал доктором наук (академик Креес благословляет Фешсу и признает его наследником своей научной мысли), а затем и заведующим этой самой лабораторией (академик Креес починает на лаврах в своей Е.И.В. Академии Наук и развлекается тем, что строит интриги против других академиков). Был Фешсу удостоен Императорской премии за участие в ряде работ, имеющих большое прак-

тическое значение (более десяти названий, большинство с кодом «секретно»), параллельно выпустил собственный курс в той же «кшефувке», а потом вдруг бросил работу, бросил лабораторию, бросил преподавание и уехал в бессрочную командировку в Область Отклонений.

Последний факт добил Чейза, и без того впечатленного научным путем доктора Фешсу, – Область Отклонений, загадка природы, ночной кошмар и священная мечта любого физика, любого биолога, любого химика. Не говоря уж о военных. Естественные законы в Области Отклонений не действуют или же работают так, что лучше бы не работали. Растения изменяются на глазах, в Областях живут и здравствуют виды, для образования которых должны быть соблюдены очень специальные условия. Настолько невероятные и сложные условия, что до появления таких растений в Областях даже писатели, зарабатывающие себе на жизнь на собственном же бреде, не могли их себе вообразить. И для каждого растения условия разные, и диапазон этих условий прямо-таки неприлично узок, а вот же, соседствуют буквально на десяти метрах. Появляются и распадаются химические вещества, которых не может быть, немыслимые соединения, наблюдать которые можно только в Области. Удивительного там много, удивительных слухов еще больше.

Области Отклонений появились на Саракше так давно, что невозможно даже примерно определить их возраст. Первые упоминания о двух Областях приходятся на Тусклые века, время феодальной раздробленности, когда до возникновения Империи оставалось не меньше века, а то и больше. Но и в этих летописях не зафиксировано появление Областей, а лишь указано, что таковые давно существуют и что владетельные князья, чьи имена сохранились только благодаря тому, что на их землях были Области Отклонений, обнесли каждую из Областей частоколом. Когда власть в королевстве фактически перешла к Церкви, вокруг двух Областей, известных на тот момент, и еще одной, найденной ближе к границам с Северной Империей, были возведены высокие каменные стены и вырыты рвы. Чейз читал, что недавно на крайнюю северную Область была сброшена ядерная бомба и Пандейская Область прекратила свое существование, но ни отчетов, ни малейших подробностей о том, как отреагировала полная чудес местность на атаку с воздуха, так и не появилось.

Несмотря на то что Области Отклонений известны человечеству много столетий, как они образовались и почему неизвестно до сих пор. Были предположения, что аномальная активность Мирового Света породила эти участки земли, где буквально на каждом метре натыкаешься на невозможное, но как их подтвердить, эти предположения? Как их опровергнуть? Почему во все последующие времена Мировой Свет так не чудил? Накапливается критическая масса? Но масса чего? И что с этой массой будет дальше?

Наибольшую популярность всегда имели теории религиозного вмешательства, но недостаток у них был тот же – как доказать влияние божественной сущности? А как доказать, что это влияние не божественной сущности? И что делать, если сущности, божественная она или не очень, вдруг вздумается повлиять еще раз?

Каждая секта, каждое оккультное общество считало своим долгом иметь священную реликвию, притащенную из Области Отклонений. После открытия возле каждой Области филиала Института интерес к Областям небывало возрос. Широким потоком полились репортажи с подходов к Области, фотографии самых первых частоколов, сохранившихся так, что преподаватели археологии привозили студентов посмотреть на эти деревянные сооружения со словами: «Посмотрите и имейте в виду, так быть не может, с таким мы не работаем, мы работаем исключительно с прахом и гнильем». Выходили научно-популярные книги, рекомендованные широкому кругу читателей, журналы с многозначительными названиями, вроде «Область» и «Отклонение», посвященные Областям Отклонений, художественные книги о приключениях отважных героев в Областях. После выхода этих книг появились интервью с теми гражданскими смельчаками, кто вернулся из Области, интервью

с матерями тех гражданских смельчаков, кто тоже сунулся в Область, но был менее везуч. Книги изымали целыми тиражами, но они ходили в самиздате, Чейз и сам их читал.

Каждую Область Отклонений пытались присвоить сначала военные, потом ученые, некоторое время они ссорились и дрались, потом договорились, что это будет их общая песочница, обнесли ее новым, уже третьим по счету, забором и понатыкали патрулей и часовых. А потом началась война.

Побывать в Области Отклонений было самым темным, самым страстным желанием лейтенанта Китта. Специалист по экстремальным условиям знает, что на Саракше есть участки, где такие экстремальные условия, что все его знания оборачиваются ничем. И вместо того чтобы выписать специалисту по экстремальным условиям командировку в этот экстремальный рай, специалиста по экстремальным условиям засовывают то в серую коробку НИИ, то в подземный комплекс, то суют к параноикам из «оружейной» проверять, не погибнет ли вирус на высоте полета бомбовоза. Жаловаться негде, работа интересная, работа нужная – это же только на словах проект закрыт, а Чейз Китт понимает, что всплывет еще серая чума где-нибудь в Островной Империи... Но Чейз Китт хотел в Область Отклонений, а сидит Зоне 15, где людей облучают то энтузиазмом, то депрессией. В роду Киттов не принято было ругаться, но достаточных по уровню экспрессии слов, кроме «массаракш-и-массаракш!», не находилось.

Чтобы отвлечься, Чейз пролистал оставшиеся в стопке личные дела, задержавшись особо на деле выпускника кафедры биофизики, да и то потому лишь, что выпускник полжизни прожил в провинции под названием Хонти, а с этой Хонти сейчас идет непримиримая война. И еще на деле высокого лысого химика с неприятным лицом вьедливого преподавателя, но на сей раз потому, что мужчина действительно был удивительно высокого роста.

Отложив в сторону дела членов Группы А, Чейз принялся за отчеты, и снова его ждало потрясение. Излучение не было открыто отечественными физиками из Его Императорского Величества Академии Наук. Оно было порождением Области Отклонений.

Впервые А-лучи были зафиксированы в якобы уничтоженной ныне Пандейской Области, исследователи, проходившие мимо странного объекта в определенные часы, начинали вести себя странно, то что-то пели и танцевали, то плакали, то замирали, не в силах сдвинуться с места. Именно туда отправился, бросив успешную карьеру и пост заведующего лабораторией, доктор Дект Фешсу, и именно в отстроенном неподалеку от границы Области здании Института по изучению Области Отклонений, где в едином экстазе слились насупившиеся военные и восторженные ученые, под его руководством был собран первый прототип излучателя. Судя по отчету, когда на маломощный прототип была подана энергия, с приступом дичайшей головной боли свалился Генерал, чье имя старательно вымарано из всех документов. На видеокассете, прилагавшейся к отчету, Генерал, с лицом, закрытым черным прямоугольником, доступно объяснял, что халатиков с их Отклонениями он, массаракш, видал в гробах, что если халатики не выйдут из ИИОО сами, их, массаракш, вынесут вперед ногами, что если халатики не перестанут таскать всякую неизведанную дрянь из Области, минуя карантин, они, массаракш-и-массаракш... Речь Генерала лилась, это как песня, Чейз решил обязательно скопировать себе эту видеозапись с пометкой 00116 «Секретно» с испытаний прототипа Х-01РИ/ИИОО.

Началась война, и спешным порядком закрыли Академию Наук, ужесточили контроль над Областями Отклонений, а все исследования перевели в подземные комплексы. К этому времени прототип Х-01РИ/ИИОО давно был уничтожен, но доктор Фешсу не оставил интересной темы и в конце концов пробился сюда, в Зону 15, так как логично предполагал, что, несмотря на все вопли безвинно пострадавшего Генерала, несмотря на чудовищный голод и эпидемии, те, кто рассчитывают править этим миром, без внимания А-волны не оставят.

Здесь Фешсу попал под начало профессора Шеклу, и Группа А успешно вела испытания волн на добровольцах, вполне согласных два-три раза в сутки попадать под неизученные пока лучевые удары, если их будут содержать в безопасном бомбоубежище, да еще и кормить. Кстати о добровольцах!

Чейз встал, потянулся, разминая плечи и шею, зевнул и посмотрел на наручные часы – до вечернего сеанса облучения оставался всего час, значит, с минуты на минуту в кабинет вернется профессор. Чейз аккуратно сложил все дела в том же порядке, в каком принял их от Шеклу, похлопал ладонями по бокам стопки, ровняя края, вложил видеокассеты в конверты, отчеты в папки и составил все это на столе.

Когда профессор, постучав, вошел, Чейз с большим интересом листал довоенный многостраничный, богато иллюстрированный Вестник Е.И.В. Академии Наук.

– Интересуетесь? – Шеклу посмотрел на обложку. – Роскошное издание, сейчас таких не выпускают... И не знаю, будут ли еще выпускать. Скажите, что сейчас на поверхности? Мы совсем не получаем свежей прессы, и корреспонденции тоже, конечно, никакой.

– Война, – ответил Чейз. – На поверхности тоже с прессой и корреспонденцией не очень. Мировых передач очень мало, а агитки Отдела пропаганды... Мало что изменилось, северные провинции продолжают требовать независимости, южные не требуют от нас ничего, они все берут сами. От той Империи, которую вы знали, мало что осталось, профессор. Даже территориально мы с учетом мятежных провинций уже не занимаем и половины прежних владений. А уж без северных Хонти, Пандеи и южной Метшени...

– Да-да, я понимаю.

Шеклу заложил руки за спину и сделал несколько шагов вправо, затем круто развернулся и прошагал влево.

– Все это слишком затянулось, уважаемый лейтенант Китт.

– Война?

– И война, и наша работа. Я должен сообщить вам, как ответственному лицу, что подозреваю саботаж. Для меня моя работа – живой организм, но очень логичный организм, и каждый сбой в работе должен быть четко обоснован. Иногда сбои есть, а обоснования нет. Я списывал все это на усталость группы, на подавленность обстановкой, на тот самый пресловутый человеческий фактор, но мы без видимой причины топчемся на месте уже полтора месяца. И нельзя все списать на то, что кому-то скучно сидеть под землей. Мы наблюдаем, получаем результаты, проверяем результаты, проверяем проверяемое, перепроверяем проверенное... И тут же все это замирает, потому что неожиданно закончилась только вчера запрошенная бумага в машине и мы не можем распечатать простейший график. Все это глупо, но...

Шеклу перестал ходить и зорко глянул на Чейза:

– Вы должны знать о моих подозрениях, хотя мне тяжело говорить об этом. Кто-то нам мешает, лейтенант. Теряются отчеты, забраковываются образцы. Я предвижу ваш вопрос, лейтенант, нет, я никого не подозреваю. Но я вижу свою ущербность в этом вопросе, я ведь знаю всех своих людей, я доверяю им. Вы же человек здесь новый и безразличный, простите великодушно. Лицом к лицу лица не увидать, а со стороны, говорят, виднее.

– Благодарю вас, профессор, я буду внимателен.

– Да-да, именно внимателен, – Шеклу улыбнулся. – Я рад, что мы друг друга так хорошо поняли, господин лейтенант.

Профессор взял со стола отложенный Чейзом Академический Вестник и сунул его на полку среди других таких же. Над полкой висел кусок плотной бумаги, прикрепленный кнопками к стене. Желтые, от руки написанные буквы «Имперский Луч» обозначали название плаката, а в бумажных кармашках располагались написанные крупным, округлым и по-девичьи аккуратным почерком статьи и даже карикатуры. Чейз подошел ближе, рассматри-

вая довольно удачный рисунок – профессор Шеклу, в слишком больших очках, игриво приобнимает какую-то изогнувшуюся конструкцию, похожую на башенку из металла, вершину которой украшает шарик, утыканный иголками. Подпись под рисунком – «Старик и Старушка».

– «Старушкой» называется наш излучатель. Ким, паршивец, чертовски хорошо рисует. Я в его годы мог нарисовать только график и, пожалуй, собаку, похожую на ушастую мохнатую помесь сосиски и рептилии, – пояснил профессор, проследивший взгляд Чейза. – Простите, быть может, это нетактично, но у вас же есть какое-то прозвище? Мы, изволите ли видеть, выпускаем здесь стенгазету. Сначала по рекомендации психологов из администрации, теперь так, ради шуток... Меня здесь все за глаза называют Старик. Старшина, впрочем, и в глаза так называет, но господину Унару вовсе не писаны никакие законы. Даже законы физики, вы не поверите! Так вот, о чем я? Да, так что насчет прозвища? Как вас называют в Управлении? То есть если служебный псевдоним не тайна, конечно. Я всегда думал, что прозвищем разведчика, отважного воина в серой форме, должно быть что-то опасное. Что-то внушающее уважение, вроде «агент Саблезуб» или... «агент Стиллет».

Чейз рассмеялся:

– Профессор, боюсь, вы путаете Управление с издательством графических романов для подростков. Меня обычно называют Еретик, и это никакая не тайна, так как я не полевой сотрудник, а такой же «халатик», как и вы. Еретик стало моим прозвищем еще в студенчестве, когда нам дали задание составить генеалогическое древо. Это был полезный урок, кое-кто таким образом неожиданно нашел у себя дворянские корни и весьма этим кичился. Но я историю своей семьи знал и без того хорошо – первым известным моим предком был инквизитор, это времена рассвета Южной Империи.

– В самом деле? – поразился Шеклу.

– В самом деле. Как вы знаете, в Святой Инквизиции властвовали два Ордена – Псы и Волки Господни. Тогда Волки были что-то вроде нынешней разведки, монахи этого Ордена тайно проникали в еретические секты. Этим занимался и мой предок. По семейной легенде он изобрел то, что мы теперь называем «винтовки», винтовые нарезные стволы. Правда, документально эта легенда не подтверждается, но до последнего времени одна из первых в мире винтовок хранилась в нашем поместье. Сейчас она, должно быть, утеряна – война равнодушна к памяти.

– И вы не стыдитесь того, что ваш предок был... как бы это выразить... Ведь Инквизиция была весьма жестока, – тон профессора был смущенным.

– Действительно была, – Чейз сдержал вздох, подобные объяснения он давал уже не раз. – Я не знаю, повинен ли мой предок в смертях невинных людей, но даже если и так, в любом случае стыдиться мне нечего – весь мой род служил Его Величеству Императору. При этом я убежден, что служение Императору подразумевает и служение самой Империи, ее народу. Мой предок заложил самую известную династию врачей в Империи. С тех темных веков традиция ни разу не была прервана, в каждом поколении есть врач. Я – часть рода Киттов, это повод гордиться своим происхождением, о стыде же и речи идти не может.

– Прекрасная речь! Простите мою бестактность, я, наверное, излишне любопытен. Но поймите, мы уже долгое время находимся здесь практически без связи с поверхностью. Наверное, подземная жизнь все же как-то влияет... В любом случае, любезный господин Еретик, я рад, что нам прислали именно вас. В конце концов, все ученые немного еретики!

Довольный своей мыслью, Шеклу рассмеялся.

– Что ж, если вы закончили, то я запроу документы в сейф.

– Учитывая то, что вы сказали ранее, мне понадобятся копии личных дел и некоторых материалов исследования.

– Конечно, я лично распоряжусь... Или нет, вы же куратор, господин лейтенант, вы сами вполне можете здесь распоряжаться, – профессор отвесил легкий поклон, словно передавая лейтенанту разведки все полномочия.

– Я хотел бы, – начал Чейз, – чтобы между нами, профессор, не было никаких недо-разумений. Я очень уважаю вас и не собираюсь лезть в вашу лабораторию со своим научным подходом. Это ваша работа, а не моя, и даже специальность моя здесь не слишком к месту, – Чейз поднял руки ладонями вперед, демонстрируя самые мирные намерения. – Все, что я должен делать, – писать отчеты полковнику Мору. Командовать здесь мне все же будет несколько неудобно из уважения к вам и вашему труду, поэтому такими мелочами, как снятие копий с нужных мне документов, я, конечно, займусь сам, но я ни в коем случае не буду распоряжаться работой комплекса, наводить свои порядки или как-то тасовать группу.

– Чрезвычайно рад слышать, – Шеклу довольно потер ладони. – Ну что ж, прошу на выход, совсем скоро вечерний сеанс!

Когда Эштаву и Шеклу вышли и Чейз остался в кинозале один, полковник Мору долго молчал, разглядывая его с экрана, потом вздохнул и выбил щелчком сигарету из появившейся в кадре пачки. Из этого Чейз сделал вывод, что разговор сейчас пойдет непротокольный – высокие чины ИРУ, почти все из дворян, считали манеру курить при посторонних плебейской.

– Есть сложности, Еретик, – Мору глубоко затянулся, отчего на сигарете образовался сероватый пепельный столбик. – В группе раскол. Этический вопрос.

Китт отметил, что полковник назвал его не по фамилии, но по прозвищу. Столбик пепла все рос и рос.

– Вы слышали, что излучение влияет по-разному. Депрессия. Энтузиазм. Члены группы расходятся во мнении. Этично ли воздействовать излучением на своих.

– На наши войска?

– Да.

Мору, наконец, протянул руку в сторону и стряхнул сигарету за кадр. Чейз перевел взгляд вниз, подсознательно ожидая увидеть на полу кучку пепла.

– Одни говорят – «Все для фронта. Все для победы». Аргументы других сами представляете. Ваша задача, – Мору снова затянулся, и следующие слова вылетали изо рта вместе с дымом, – одна из ваших задач – наблюдать за теми и за другими.

– Как держать связь?

– Еженедельные официальные отчеты проходят через администрацию. Раз в два дня отчеты мне. В шифре.

– Я не слишком хороший шифровальщик, – напомнил Китт.

– Придется постараться, – Мору затушил сигарету, и экран погас.

4. Доктор Рейхар Китт, Волк Господа

Под утро он тайно покинул свой дом и через час вместе с пятью другими предстал перед Генералом Ордена Волков Святой Инквизиции. Каждый из полудюжины был благо-склонно допущен к руке Генерала.

Между собой они звали его Вожак, чужие называли Слепцом. Он и впрямь был слеп, этот рано поседевший и нынче худой, а некогда рослый и крепкий мужчина. Вожак служил Церкви с самого детства, слепого мальчишку жалели и любили в городке, где он родился – конечно, он ведь никогда не видел Мирового Света. Единственным шансом мальчика была Церковь, увидеть свет хотя бы после смерти было его мечтой. Мечтал ли о чем-либо слепой старик теперь, было неизвестно. Неизвестно было даже его имя, в секретных церковных документах он назывался всегда лишь по должности, Генерал Ордена Волков. Неизвестен был и его точный возраст, но всем, кто был осведомлен о существовании Ордена Волков и его Генерала, казалось, что старый Вожак был с Церковью всегда. Подле него всегда стояли двое монахов с цепким взглядом и сильными руками – это были его глаза.

– Да пребудет с вами Мировой Свет, дети мои, – тихо проговорил старый Вожак. – Рассказывайте.

Братья отчитывались о проделанной работе.

Чуть меньше пяти лет в Инквизиции существовал тайный Орден Волков Господа. Символ Ордена представлял собой волка серого окраса, бегущего влево по черному фону. В пасти зверь держит ключ с ушком в виде символа Мира – кругом и полукругом. Волкам Господа надлежит тайно проникать в ряды еретиков, притворяясь такими же дикими тварями. Дело их – Скрывать себя и Открывать тайное, что и символизирует ключ. Волки выявляли ересь, Псы загоняли и рвали добычу. Личными агентами Генерала Ордена была полудюжина братьев, лучшие агенты Ордена, и Рейхар был горд тем, что ему доверяет сам Вожак.

Рейхар слушал рассказы братьев о еретиках, считающих, что раз из тьмы они вышли, то во тьму и должны вернуться, а Церковь препятствует им в завершении их жизненного круга. Отчеты о ведьмах, высиживающих яйца, что были снесены черными колдовскими кочетами, хулящими Господа человеческими голосами. Слушал отчеты о достоверности тех последних слухов и сплетен, что стоили внимания самого Слепца, но мысли его все время возвращались к секте и Тшевам.

Виль был прав, Ромура – «пустой и никчемный». Слабый человек был этот Ромура. Трусливый человек и говорливый, если найдется тот, кто будет слушать. Рейхар слушал Ромуру долго, а Ромура был рад, потому что его давно уже никто так внимательно не слушал, кроме этого красивого и состоятельного светлоглазого врача. А Рейхар вел себя как господин города, в нем была спокойная сила и уверенность, и Ромуре чудилось, что рядом с таким значительным другом, как Рейхар, и сам он становится как-то значительнее. Он болтал без умолку весь этот год, а недавно решил даже женить Рейхара на своей сестре. Рейхар же, хоть и не подавал виду, не говорил об Улии, весь год незаметно и осторожно подводил Ромуру именно к тому. Улиа была ему нужна, потому что, хотя книги переписывали они оба, среди еретиков как раз она, а не ее пустоголовый брат пользовалась определенной известностью и даже уважением. У нее не только был разборчивый скорый почерк – она действительно хорошо разбиралась в людях.

На счастье Рейхара, несмотря на свой удивительный ум, она оставалась всего лишь слабой женщиной в этом Море. Что нужно женщине? Чтобы мужчина мог рассмешить ее, пожалеть ее и позаботиться о ней. На то, чтобы доказать, что он, Рейхар Китт, врач и сын врача из Ноори, способен и на юмор, и на сочувствие, и на заботу, потребовалось почти пять месяцев. Иногда Рейхар жалел, что Улиа не родилась юношей, как явно было задумано

Господом. Эта ее напористость, это чутье на людей, эта живость ума – она стала бы одним из лучших Волков Господа, отличным боевым товарищем, верным другом. Но, видимо, в последний момент создатель передумал и выдал сообразительному парню красивое и ладное девичье тело. Что Рейхару было, в общем-то, только на руку – будь госпожа Тшев мальчишкой, разве обошелся бы он всего лишь шутками, утешением и заботой? Говорят, если только не лгут, где-то в Хонти есть прекрасная и отважная дева-воительница; она, должно быть, такая же, как наша Улиа. Но, должно быть, и на нее найдется утешитель из Инквизиции.

Конечно, Рейхар, как и другие Волки Господа, не исповедовал обета целомудрия. Одного этого было бы достаточно, чтобы монахи-псы, которым приходилось жить во грехе и обходиться друг другом, возненавидели Волков. Волкам дозволено пользоваться имуществом, пить, браниться, распространять слухи и ереси, гулять с девками и, что тоже обидно, командовать Псами. Раньше достаточно было одного слова Волка, чтобы вся свора Псов набросилась на человека. Сейчас, правда, хватало уже любого доноса, сами Псы могли направлять друг друга на горожан, чем, без сомнения, пользовались и чем упивались.

Но тем и сложнее была служба брата-волка. Дав обет нестяжательства, волк-монах проводил свои дни в роскоши, но при этом каждый миг должен был понимать, что все это – лишь дурная маска, серая шкура дикого зверя, которую рано или поздно ему придется оставить. Волк нарушал свои обеты каждый день и обязан был оставаться верным им. Он пил, но не забывался, щупал хихикающих грудастых девок в кабаке, но при этом слушал и запоминал все, что говорят собутыльники, покупал нарядные одежды и жил в хорошем доме, но не считал это своим, настоящим.

Рейхар разглядывал лица братьев-волков. Рядом с ним стоял Рут Ленер, его ближайший друг. Они вместе пришли в Орден еще мальчишками, жили в маленькой двухместной келье, вместе учились, вместе дрались. Пусть затем их развела судьба и порознь поднялись они до личных агентов Вожака, сейчас они вместе имели право и привилегию работать в столице. Рут был хорошим, удачливым Волком Господа: его простоватое румяное лицо, моложавое и улыбочливое, располагало к себе, и даже самые подозрительные из еретиков вскоре доверяли ему. Каждый из них только тогда узнавал изменника, когда на закрытом суде видел знакомое румяное лицо среди инквизиторов. И видел, что на Руте скромная серая монашеская ряса.

Рут всегда приходил на казнь «открытых» им сектантов, хотя среди Волков считалось ззорным и опасным видеть, как жгут «их» еретиков. Бытовало суеверие, что кто-то из них может перед смертью проклясть предателя и обречь на вечную тьму. Но Рут не боялся. Некоторые Волки считали, что он жесток и находит удовлетворение в зрелище человеческих мучений, как те простолюдины, что всегда сотнями стекаются на аутодафе. Только Рейхар знал правду – Рут считал себя обязанным видеть, как умирают те, кого он предал.

Он говорил: «Как только я почувствую, что мне жаль их, – я попрошу Слепца отдать меня Псам, ибо сочувствие еретикам есть тяжкий грех, очистить который можно лишь огнем. Но как только я почувствую, что мне нравится это зрелище, – я попрошу тебя, брат Рейхар, не испытывая жалости убить меня и отправить во тьму, которой я заслуживаю, ибо тот зверь, каким я стану, не заслужит огня». Рейхар никогда не ходил на казни. Он боялся, что почувствует жалость или радость от вида извивающихся в огне еще живых человеческих тел, и боялся, что ему не достанет храбрости умереть после этого.

– В течение ближайших двух дней планируется еретический штурм здания тюрьмы Трибунала, – сказал Рейхар, когда подошла его очередь говорить, и физически почувствовал напряженный интерес братьев-волков к своим словам. – Планируется освобождение господина Ромуры Тшева, которого по моему указанию арестовали этим вечером верные слуги Церкви – Псы Господни. В течение этого времени я буду ждать их посланника у себя дома. Сомнительно, что это будет Улиа Тшев, скорее кто-то из уличных мальчишек. Сама Улиа

сейчас скрывается в портовом районе под личиной молодого парня. Она собирается участвовать в штурме, на который пригласят и меня. Должен ли я повлиять на ее действия?

– Пригласят – какое уместное слово... Эта девица нам нужна, пускай идет с остальными, не отговаривай ее.

– Да, святой отец. Господин Борте Хет более не имеет власти в общине. Он выступил против атаки Трибунала, но его не стали слушать. Книги были переданы Руису, и те свитки, что были подготовлены нашими писарями, – тоже.

– Молодец, мой волчонок, ты всегда приносишь полезные вести, – проговорил Слепец. – Стал ли ты уже приближенной к ересиарху дикой тварью?

– Нет, отец, но сегодня я впервые видел того еретика, который в доносах и списках значится как Пророк. Он действительно так молод, как нам пишут, не больше двадцати лет, и он действительно вдохновляет ересь Массаракша. Что же до остальных, то я пока не видел никаких новых диких тварей, что подчиняются Руису, лишь тех же, что и ранее.

– Руис, наш таинственный ересиарх, – раздумчиво кивнул Слепец. – Жаль, что мы никак не выманит его самого на штурм. Продолжай же.

– Я предполагаю, что освобождение пройдет по обыкновенному плану – они решат, что кто-то из девиц отвлечет монахов у ворот, там Грум Лариному облачится в монашескую рясу и, пройдя внутрь, откроет дорогу остальным еретикам. План ущербен и глуп, святой отец, Псы без труда отразят нападение. Не потребуется даже помощь королевской стражи.

– Ты не думаешь, Рейхар, что нам следует освободить господина Тшева? Если ты добьешься, что штурм поручат тебе, то твой успех будет замечен дикими тварями. И тогда ты сможешь Открыть нам ересиарха, когда он удостоит тебя аудиенции.

– Нет, святой отец, – Рейхар сдержал утомленный вздох, Слепец изредка проверял своих агентов, зная, что тяжелый душевный труд может притупить разум. – От Трибунала не уходит никто, и Ромура первым не будет. К тому же мой успех вызовет только подозрения. Я думаю, достаточно будет, если семеро из десяти погибнут во время «освобождения» – это отрезвит молодых, и, возможно, кто-то из них устрашится вечной тьмы и вернется в лоно Церкви. Скорее всего, атаку возглавит Грум Лариному как поверенный Руиса в общине.

– Хорошо, мой волчонок. Продолжайте, дети мои.

Брат Ленер докладывал о секте, в которой он работал почти полгода, и Рейхар впервые поразился тому, как быстро Рут добивается своего – он уже готов был отдать Инквизиции и ересиарха, и склад книг, и большую часть диких тварей. Впрочем, у Рейхара работа была посложнее – он «открывал» светлому инквизиторскому оку Церкви самую страшную из сект, секту, исповедующую ересь Массаракша.

Дикие твари, шкуру которых примерял сейчас Рейхар, верили в дикую, вымороченную идею – будто Мир есть не вогнутая чаша в бесконечной тверди, Тьме, но, напротив, плотный шар в бесконечном пустом пространстве. Самые заблудшие души утверждали даже, что возможно существование и других подобных шаров. Конечно, эта чудовищная ложь противоречила не просто здравому смыслу, но и – что страшнее – основным догматам Церкви, таких еретиков следовало уничтожать незамедлительно, не позволяя им обращать в свою веру молодежь. Однако это было непросто – некоторое время назад начали приходить донесения о появлении Пророка, мальчишки, который убедительно рассказывает о плывущем в пустоте великом шаре, укрытом пеленой, о мерцающих серебряных искрах в этой необозримой черноте и исполинском огненном клубке, источающем жар и пылающем так, что глазам нестерпимо... Чтобы выследить и устранить мальчишку, нужно было «открыть» всю секту целиком: Пророка опекал талантливый тактик, бывший наемник, а ныне таинственный ересиарх Руис Амена. Сегодняшнее ночное приключение давало Рейхару возможность тихо удавить парня в темном переулке, но господин Китт не первый год служит Церкви и Слепцу. За ними мог следить кто-то из еретиков с арбалетом в руках; парнишка мог быть вовсе не

Виль; а даже если и Виль, то убей Рейхар этого Пророка, до Руиса он уже не дотянется, а все «открытые» им еретики, выворачивающие мир наизнанку, зароятся в грязь.

– Бегите, волчата, – Вожак по-отечески добро улыбнулся монахам своей серой стаи и махнул рукой, отпуская их.

Последним из простого, без толики роскоши кабинета Слепца вышел исповедник пяти обетов, тайный агент Волчьего Ордена, господин Рейхар Китт по прозвищу Еретик.

5. Лейтенант Чейз Китт, сотрудник Имперского Разведывательного Управления

Потом Еретик часто вспоминал этот самый первый увиденный им вечерний сеанс, хотя завел привычку присутствовать на каждом и повидал их в общей сложности немало. В тот раз профессор Шеклу провел лейтенанта Китта в пункт наблюдения, вежливо кивнул технику, возящемуся с аппаратурой, и указал Еретiku на стул перед мониторами:

– Присаживайтесь, господин лейтенант, с минуты на минуту начнется. Экранироваться от излучения невозможно, но поскольку мощность излучателя небольшая, то граница волны, определяемая, кстати, довольно четко, находится далеко за пределами наших лабораторий... Как вы помните из документов, все испытуемые содержатся в комплексе «Луч», это удаленная секция нашей Зоны 15, для чего она использовалась ранее, я не знаю. Это довольно большая секция, но мы используем не более десяти процентов от ее общей территории – только помещения, в которых содержатся испытуемые, и еще станция... Если будет интересно, старшина Унару покажет вам план, сейчас не будем отвлекаться. Сколько у нас еще времени? Да-да... Сообщение с комплексом идет по монорельсовой дороге, наблюдение осуществляется через видеокамеры. Как видите, помещение просматривается с пяти точек, зона наблюдения каждой камеры чуть перекрывает зону другой, таким образом, не остается слепых пятен и мы можем каждое мгновение контролировать поведение наших... мм-м... добровольцев. И корректировать это поведение, если оно идет вразрез с нашей задачей.

В комнате, похожей на большую больничную палату, было семеро. Подсознательно Еретик ожидал увидеть людей уставших, изможденных, если не больных, но на вид облучаемые были вполне здоровы и не высказывали ни тревожности, ни страха. Кто-то читал, двое играли в карты, кто-то дремал, кто-то переговаривался со смехом.

– Выглядят хорошо, – отметил Еретик.

– Да, мы заботимся о физическом состоянии наших подопечных. Вот их дневное расписание, – профессор передал Еретiku документ, заверенный несколькими подписями. – Там же режим и состав питания. И еще расписание сеансов. Обычно мы проводим два активных сеанса, утром и вечером, но, конечно, бывают и внеурочные, в активном режиме, который мы называем «внимание». Активных режима, таким образом, получается три, каждый со своими, так сказать, симптомами...

– Да, я понимаю, – перебил Еретик, – а что с пассивным облучением?

– Оно действует постоянно. Выключается только в экстренных случаях, когда в секцию прибывает кто-то из персонала лаборатории, например провести ремонтные работы. Если бы была возможность, мы бы, конечно, проводили четыре разных исследования на четырех разных группах, но эта война... Нет возможности испытывать отдельно только «энтузиазм», только «депрессию», только «внимание» и только пассивное излучение. К тому же излучатель всего один, а время не ждет.

Шеклу словно оправдывался, и Еретик уже хотел уверить профессора, что он прекрасно понимает, в каких непростых условиях проводится эксперимент, как вдруг на экранах начало что-то происходить. Испытуемые вскочили с мест, тот, кто дремал, отвернувшись к стенке, буквально скатился на пол со своей постели и, кажется, сильно ушибся, но, не обращая внимания на боль, поднялся на ноги, и все семеро вдруг запели. Они орали имперский марш с таким воодушевлением, с таким восторгом и так искренне, что Еретик долгое время не знал, что на это сказать и как прокомментировать. Да, он читал отчеты и донесения, он просмотрел не один десяток графиков, но увидеть своими глазами то, что скрывалось за формулировкой «взрыв энтузиазма», было для лейтенанта потрясением.

– Как долго продолжается сеанс, профессор? – спросил Китт, когда кто-то из испытуемых начал срывать голос.

– Как и указано в расписании, «энтузиазм» и «депрессия» длятся стандартно – по двадцать минут. Но время «внимания» и внеурочных сеансов сокращено до десяти минут.

– Но почему они поют именно марши? Поймите меня верно, профессор, я считаю, что это прекрасная точка приложения этого «взрыва энтузиазма», но почему они не поют, скажем, песен о бессмертной любви или кричалок с игры в мяч?

– О, а это действительно хороший вопрос, – профессор уменьшил звук и показал что-то на мониторе. – Взгляните, господин лейтенант. Видите? Это экран. Мы шесть часов в сутки транслируем в комплекс «Луч» агитационные фильмы, выпущенные Отделом пропаганды. Если помните, пассивное излучение действует постоянно, ну и...

– Постойте, – Еретик жестом прервал речь профессора Шеклу, – получается, что вы действительно можете это контролировать?

– Получается, что можем. Идею подал мой будущий, как я рассчитываю, преемник – молодой Дасаи, весьма смысленный юноша. Он высказал предположение, что раз во время сеанса «энтузиазма» испытуемые практически перестают контролировать себя, то вполне могут что-нибудь разрушить или покалечить себя или соседа, так как этот бессмысленный восторг выживает из них некое... так скажем, бездумное, почти звериное начало. И он предложил дать им смысл для восторгов, как вы верно выразились, «точку приложения» – патриотизм. Патриотический энтузиазм в самом чистом и незамутненном его виде – когда люди не сомневаются в правильности политического курса Империи, вообще не задумываются об этом. Они не размышляют. Наблюдение ведется непрерывно, каждые сутки мы проверяем испытуемых на детекторе лжи, отслеживая динамику. Все верно, они полностью доверяют всему, что мы показываем, они искренне и безудержно верят, что Империя нуждается в них, и с восторгом и радостью готовы буквально на все ради Его Величества Императора и своей родины. Поэтому сами себя они величают исключительно добровольцами. – Голос профессора звучал неожиданно сухо.

– Кажется, сами вы от их восторга не в восторге, профессор.

Шеклу вздохнул:

– Представьте себе нашу славную армию, облучаемую энтузиазмом. Армию, мечтающую с именем Императора на устах броситься на врага и растерзать его. Это ведь будут не люди, это уже стая. Они будут погибать с тем же восторгом, с каким сейчас поют марши. Я старый человек, господин лейтенант, можно сказать, старорежимный. И для меня – дикость даже представлять себе такое. Я легко могу оправдать использование депрессионного излучения, применительно к врагу, иного-то применения ему все равно нет, но облучать своих же сограждан этим яростным «энтузиазмом», делать из них этакое зверье...

– Но, как я понимаю, в группе есть те, кто считает иначе?

– О, безусловно, – Шеклу поджал губы. – Вынужден предупредить, вы еще наслушаетесь этих речей, господин лейтенант.

Шеклу был прав, за неделю, что Чейз провел в Зоне 15, рассуждений о том, правомерно ли и этично ли облучать собственную армию, он наслушался предостаточно. Собственно, если не обсуждали технические детали исследования, то говорили либо о том, как жилось до войны, либо о том, как прекратить войну. Единственными, пожалуй, кто не принимал участия в этих бесконечных обсуждениях, были профессор Шеклу, доктор Фешсу, Ким Дасаи, умудрившийся подхватить насморк и содержащийся в лазарете, так, что к нему не пускали посетителей и познакомиться с ним пока не удалось, старшина Хрег Унару и сам лейтенант Китт. Только раз Шеклу высказался насчет облучения, когда за ужином один из халатиков зашел совсем уж далеко в своих мечтах.

– Вы посмотрите, – воскликнул молодой черноусый мужчина, чье приятное лицо с припухшими от недосыпа веками обрамляла неуместно реденькая бородка, – ведь же это идеальная уравниловка! Уязвимость к излучению не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от образования, ни от каких-либо иных параметров. Это исключительно физиология, чистая человеческая физиология, никакого социального элемента...

– Социалист что ли? – поинтересовался у собственной тарелки старшина Хрег Унару, не переставая жевать.

– А если и социалист! – с вызовом произнес халатик, но поскольку всем это было безразлично («Массаракш, социалист. Главное, чтоб не глист!») – срифмовал вполголоса старшина Унару и безобразно заржал), то он продолжил рассуждать об «уравниловке». – Пассивное излучение даст возможность внушить человечеству – каждому человеку – верные, нужные идеи! Массаракш, подумайте, друзья и коллеги! Каждому и любому человеку, от рабочего до дворянина! Воспитать их в любви к ближнему, в любви к труду, в любви к знанию. Тогда различий не станет, тогда не будет никакого неравенства и каждый, вне зависимости от класса...

Шеклу ударил кулаками по столу, и в помещении воцарилась не то что мертвая, но изначальная тишина. Абсолютная. Черноусый халатик-социалист замер, не сводя обескураженного взгляда с профессора, и часто заморгал, словно пробуждаясь от транса.

– Что б я больше этого не слышал, – проговорил Шеклу, не разжимая рук и глядя вниз. – Что же вы говорите? Юноша, что вы говорите? Мы – ученые, элита человечества, но мы в первую очередь люди. И должны всегда оставаться людьми! В лаборатории – оставаться людьми! На войне – оставаться людьми! Поймите же одну простую истину – наше состояние определяется не тем, чем мы владеем, не нашими ресурсами, не нашими возможностями. Наше состояние определяется выбором, который мы делаем. Выбором – как распорядиться этими ресурсами. Вы, юноша, только что выбрали страшный и тупиковый путь для нашей Империи и для всего мира. Не просто путь, дающий абсолютную власть над сознанием человека, а ведь всегда власть притягивает несправедливость, но именно тупиковый. Кто будет решать, что есть «верные, нужные идеи»? Я? Вы? Эта ваша «уравниловка» для меня, старого империалиста, звучит как явное, несомненное зло, ведь я-то знаю, что люди никогда друг другу не равны!

Профессор замолчал, едва не сорвавшись на крик, и вдруг ссутулился и сразу как-то постарел. Руки его беспомощно разжались, побелевшие от напряжения фаланги не спешили принимать здоровый цвет, только на подушечках пальцев горели розовые пятна, да на ладонях были заметны полукруглые следы от ухоженных ногтей.

– Чтоб я не слышал более подобных разговоров. Обсуждение использования пассивного излучения в моем присутствии запрещено. Я не могу заставить вас думать по-другому и не могу запретить обсуждать эту тему вовсе, но при мне – не смейте. И никаких исключений, никаких «теоретических выкладок, профессор», никаких «исключительно на благо Родины». Можете планировать, как вы сделаете из нашей армии сборище радостных полудиотов, с песнями и плясками идущих на смерть, но не смейте...

Шеклу махнул рукой, тяжело поднялся из-за стола и вышел в коридор. Вслед ему пристально смотрел доктор Фешу.

После этого случая профессор еще несколько дней ходил сам не свой, молчаливый и рассеянный, а затем вызвал Чейза в свой кабинет и многословно извинялся перед ним за инцидент и собственную несдержанность. Еретик, понимая, что Шеклу извиняется не столько за то, что вспылил тогда, сколько за то, что вообще допустил такую ситуацию, как мог уговаривал Старика, что он не несет ответственности за бредовые идеи молодых дураков, но Шеклу только качал головой:

– В том и дело, Чейз, мой мальчик, в том и дело, что эти молодые – не дураки. Именно это поколение, именно они наше будущее. Он ведь ваш ровесник, этот мальчик, ему чуть больше тридцати. И он – жизнь этого мира, а я – вымирающий вид. И, конечно, я в ответе за этих людей, я же не просто представитель старшего поколения, я и учитель им, воспитатель. Я – педагог в старом значении этого слова, которое вовсе не тождественно простому «преподаватель наук». Я их научный руководитель, в конце концов. Более того, это ведь вовсе не бред, я ведь тоже всего лишь человек... Я понимаю всю завлекательность таких мыслей. Но я вижу и все их коварство, а этот мальчик не видит. Это и страшно...

Обо всем происходящем Еретик своевременно докладывал полковнику Морю, уделяя особое внимание мелким деталям, в ответ получил по официальному административному каналу одно лишь сообщение: «Продолжайте работать». Вполне в духе полковника.

Но были и приятные моменты. Во-первых, Еретiku удалось сблизиться со старшиной и, пожалуй, даже сдружиться с ним, что было не слишком просто. В большинстве случаев поддерживать беседу старшина Унару способен только на две темы – кулинария и прекрасный пол, или, как он говорил он сам, – «жратва и бабы». Именно поэтому со старшиной Унару было бы, вероятно, особенно тяжело в дальних походах. Сам старшина готовить не умел, вершиной его мастерства была отварная картошка, размятая с солью, заправленная растительным маслом и заедаемая маринованным луком и черным хлебом. Женат же Хрег Унару был восемь раз, матушка старшины, по его собственным словам, чуть не плача говорила, что все парни как парни, гуляют с девками да гуляют, и только ее идиоту девушки дают исключительно через Отдел регистрации актов гражданского состояния. Впрочем, о детях Унару никогда не упоминал, сомнительно, что они у него были.

Кроме еды и женщин старшина любил поговорить о своих славных предках (дедушка-горец с затертой фотографии) и величии народа горцев (на примере все того же дедушки, поскольку иных горцев старшина в глаза не видел). Зартак же – горный хребет далеко на востоке, представлялся по рассказам старшины неким таинственным и прекрасным местом, полным чудес. Сравнение с Областью Отклонений оскорбляло это место, старшина и слышать ничего не желал ни о каких жалких подделках на Зартак. Зартак был Мировым Светом на земле, воплощенным совершенством, ожившей сказкой, готовой принять в себя уставшего от многодневного пешего перехода путника. Зартак был сосредоточением всего прекрасного, что только может явить природа. То есть, по собственной мифологии старшины, еды и женщин.

Еда там была великолепна: остра и сочна, она продлевала жизнь, даровала невероятную силу и мужественность. Женщины там были великолепны: стройны, но приятно округлы формами, длинноволосы и молчаливы. Были они плавны движениями, синеглазы, и, конечно, все как одна изумительно готовили. В те редкие моменты, когда женщины не молчали, они пели обворожительными голосами. Те немногие мужчины, которым Хрег позволял поселяться в стране своей мечты, были великолепны, под стать еде и женщинам: они были верными друзьями, мудрыми и немногословными охотниками, воинами и музыкантами от бога. И готовили тоже, все как один, изумительно. Так, на всякий случай, вдруг в дальнем походе не окажется поблизости ни одной женщины, чтобы приготовить мужчинам ужин. Идея превосходства горцев Зартака над всеми остальными людьми Саракша сквозила буквально в каждом слове старшины. И не удивительно, как могут сравниться эти бессердечные, бездушные и вероломные люди скучных и плоских, как глупая столешница, равнин, люди без каких-либо талантов к кулинарии с этими горными полубогами?

– Когда-нибудь, – говорил старшина, приглаживая роскошные усы, – брошу я вас, массаракш, с вашими Зонами 15, лучами, ядрами и войнами и махну в горы. Слышишь, лейтенант? На Зартак, массаракш-и-массаракш! Возьму с собой каравай хлеба, полукруг сыра, воды фляжку и уйду. Совсем. А там... Слышишь, лейтенант? Там до Мирового Света рукой

подать, а воздух-то вкусный, хоть в банки его закатывай и ложкой потом ешь, хоть в брикетах морозь и так слизывай. И тут я, конечно, нахожу маленькую горскую деревню, и все жители высыпают на улицу, чтобы поприветствовать уставшего путника. И я сразу узнаю эти места, потому что здесь, массаракш-и-массаракш, именно здесь и был рожден мой славный дед! Это память крови! И местные жители тоже меня узнают, потому что мое сходство с дедом несомненно, и они приглашают меня, потомка красивого мужчины и великого охотника, быть им дорогим гостем, закатывают настоящий пир, и вино льется рекой... А потом они просят, а я соглашаюсь остаться там жить. Навсегда. Разбиваю виноградник, женюсь... Бог даст, сыновей завожу, массаракш, почему бы и не завести? Должен же я продолжить род! Кровь моего великого деда не должна стыть и тухнуть во мне, нужно дать ей новую жизнь!

Эту историю своего триумфального возвращения на землю предка Хрег рассказывал лейтенанту раз пять, и каждый раз с неизменным восторгом. В какой-то момент старшина, широкая и добрая душа, даже принялся уговаривать лейтенанта тоже бросить зоны, лучи и ядра, и тоже ехать жить на Зартак.

— А что? — говорил старшина, воодушевляясь и уже обозревая внутренним взором преобразенное в соответствии с новыми планами маленькое и ни в чем не повинное горное село. — Массаракш, а почему бы и нет, лейтенант? Какая замечательная мысль! Или же я еще должен тебя уговаривать? Да любой, кому я предложил бы переселяться на Зартак, должен немедленно возблагодарить судьбу за такой подарок! Массаракш, это не подарок, это истинный дар! Подберем тебе ладную бабенку из местных, там все красавицы, выбирай на вкус. Отстроим хороший дом. Будем друг к другу в гости через виноградник ходить, ужинать.

Иных дел, кроме непрестанного питания и исполнения супружеского долга, у старшины Унару на Зартаке никогда не находилось.

Впрочем, несмотря на некоторую внешнюю ограниченность, был старшина весьма сообразителен, остроумен, а главное — весел. Это качество было особенно ценным в последнее время: теперь, когда в лаборатории все халатики друг на друга дулись и опасались сказать лишнее слово, громовое ржание и добродушные, хоть, бывало, и плоские, шуточки старшины недурно разряжали обстановку. Старик Шеклу, который душой болел за лабораторию, был Хрегу искренне благодарен, и между ними установилось наконец уважительное двустороннее перемирие, чему лейтенант по мере сил способствовал. Старшина даже иногда заходил к профессору попить чаю, и двое совершенно разных людей ухитрялись, по-видимому, находить некие общие темы для долгих разговоров. Не сидят же они по полтора часа — Еретик засекал время — молча? Иногда Еретик воображал, как профессор рассказывает затаившему дыхание старшине о высоком искусстве кулинарии, а может, и о своих шашнях с юными баронессочками во времена бурной молодости... Но верилось в реальность такой картины слабо. Не было у гениального физика бурной молодости, он с пеленок в аспирантуре.

Вторым приятным моментом была капитан Сой Эштаву. Удостоверившись, что лейтенанта Китта принимают в лабораториях за своего, она оттаяла, продемонстрировала, что умеет очаровательно улыбаться, и даже несколько раз осталась на обед в лаборатории, чем вызвала ажиотаж среди халатиков — исключительно мужчин. И это тоже было замечательно, потому что все как-то расслабились, тоже вспомнили, как нужно улыбаться и шутить, и наперебой рассказывали капитану Эштаву малопонятные лабораторные анекдоты. Правда, штатный весельчак и балагур Хрег во всем этом участия отчего-то не принимал, сидел неожиданно тихо, вел себя подозрительно скромно и только посмеивался в стакан. Впрочем, и Сой Хрега положительно не замечала, так что в этом смысле было между ними некое равновесие. Зато самому Чейзу посчастливилось несколько раз поболтать с Эштаву наедине, и оба остались весьма довольны друг другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.